

По зову партии, по велению сердца

Московское собрание комсомольцев и молодежи, изъявивших желание поехать на освоение целинных и залежных земель

Со всей Москвы стекались вчера, 7 января, в Большой театр СССР юности и девушки, чьи сердца глубоко взволновал призыв родной партии поехать на освоение целинных и залежных земель.

Партией и Правительством поставлена сейчас задача — доставить в 1956 году посевные площади на осваиваемых землях до 28—30 миллионов гектаров.

С глубоким сознанием всей важности поставленной задачи собрались в Большом театре СССР комсомольцы и молодежь столицы и области, изъявившие желание поехать на освоение целинных и залежных земель.

Одновременно часов утра. В президиуме появляются Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков и первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Участники собрания встречают их бурными аплодисментами. Все встает.

Места в президиуме занимают секретари ЦК ВЛКСМ, секретари МК и МК ВЛКСМ, министры, молодые механизаторы Казахстана и Аляски, проводящие свой отпуск в Москве, юности и девушки, изъявившие желание поехать на целину.

Собрание открыл секретарь МК ВЛКСМ тов. Давыдов. Слово предоставляется секретарю Московского областного комитета комсомола тов. Халдеву. Он приветствует патриотов-добровольцев. Только за три последних дня, по неполным данным, в комсомольские организации поступило свыше 3 тысяч заявлений от молодежи Москвы и Московской области. Не впервые трудные участки коммунистического строительства. Нет сомнения в том, закончатся свою речь тов. Халдев, что новые тысячи добровольцев с честью оправдают доверие Родины, впишут еще одну славную страницу в золотую летопись побед советского народа.

На трибуне тракторист Ленинской МТС Московской области тов. Ночетков. Партия и Правительство, сказал он, решили удвоить посевы на вновь осваиваемых землях. Для осуществления этой огромной задачи требуются тысячи смелых людей. Вот я и подумал: настала и моя очередь доказать на деле, что с честью ношу высокое звание комсомольца. Вместе со мной изъявили желание поехать на целину несколько трактористов нашей МТС. Все они умелые и опытные товарищи. Мы сделаем все, чтобы далекие нетронутые массивы целины назывались комсомольской землей.

Выступает инженер-механик Москворецкого района тов. Мостяев. Он говорит:

Мы хорошо понимаем, что бескрайние степи, превращенные в плодородные поля, — это новый источник изобилия продуктов в нашей стране. И Родина плет в районы целины и залежных земель огромное количество тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Как комсомолец и инженер я счастлив, что буду пользоваться этой богатейшей техникой, которая обеспечит успешное развитие сельского хозяйства во вновь осваиваемых районах.

Слово предоставляется агроному Бунцевского района тов. Кузнецову.

Что может быть для агронома лучше, чем помогать молодежи поднимать целину, выращенную на полях богатых урожаем. Это не только большая честь, но и огромная ответственность. Интересы народа для комсомольцев превыше всего. И мне кажется, я принесу больше пользы родному Отечеству, работая на плодородных землях Аляски или Казахстана.

Горько аплодирует собранию молодой патриот, которая заканчивает свою речь словами:

Мы общаемся с Партией и Правительством, что вложим в работу всю душу, всю силу молодости, сделаем все для того, чтобы в ближайшее время залежи и целинные земли превратили в плодородный, цветущий край.

Об этом высоком стремлении молодежи говорит с трибуны и тов. Емцов — механик-комбайнер Митишинской МТС. Здесь говорится о отъезде в дальние края целая тракторная бригада. — В эти дни весь коллектив МТС с любовью принимает участие в наших сборах, — говорит тов. Емцов. — Мы поедем на целину во всеоружии. Бригаду снабжат запасными частями в тракторном институте. Бригада готова работать так, чтобы стать лучшей на целинных землях.

Затем выступает шофер авторемонтного завода Держинского района тов. Попович, камешник тов. Мишкин, повар тов. Борзов. Они говорят о высоком доверии, которое оказывают им комсомол, посылая на один из важных участков коммунистического строительства, где решается большая государственная задача, где каждый возмужавший к жизни гектар земли приумножает богатства любимой Отчизны.

С большим интересом слушали участники собрания рассказы тов. Ломтовой — трактористки зерносовхоза «Куйбышевский» Казахской ССР. Раньше она работала на первом государственном подлинниковом заводе имени Л. М. Кагановича. Трактористка рассказывает о первых шагах новоселов на необжитой земле, об учебе и работе, о том, как в борьбе с трудностями они подняли за лето 18 тысяч гектаров целины, перевыполнили план на три тысячи гектаров. Мы научились делать все, говорит тов. Ломтова, летом работали трактористами, убирали сено. Сейчас ремонтируем тракторы, комбайны, работаем печниками, штукатурами, камешниками. Но мы не забываем и учиться. У нас открылась семилетняя школа рабочей молодежи, есть хорошая библиотека, а на будущий год думаем открыть десятилетку. Зарабатываем мы прилично.

На трибуне комбайнер Кузнецовской МТС Алтайского края тов. Масантин, работавший ранее токарем на московском заводе «Манометр». Он также рассказывает о самоотверженном труде новоселов московского комсомола в районах освоения целинных и залежных земель и приглашает приезжать к ним в край. Здесь есть где приложить комсомольские руки.

С речью выступает секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Шелепин. Он говорит об освоении новых земель, как о великом общенародном деле, в котором активная роль принадлежит советской молодежи. За неподдельное время по комсомольским путевкам из разных областей страны было направлено на новые земли свыше 100 тысяч юношей и девушек, а всего в комитеты комсомола поступило от молодежи 500 тысяч заявлений.

Посланцы комсомола с честью выполнили высокие обязательства, взятые перед Партией и Правительством, народом. Многие новоселы показали образцы самоотверженного труда. Более пяти тысяч молодежных тракторных бригад, МТС и совхозов новых земель участвовали во всеобщем социалистическом соревновании механизаторов. За самоотверженный труд на целине Центральный Комитет комсомола награждает значком «За освоение новых земель» свыше тысячи молодых тружеников сельского хозяйства.

Комсомольцы нашей славной столицы — Москвы, говорит тов. Шелепин, вновь выступают инициаторами очень хорошего и большого дела. Почти московских комсомольцев, их инициатива найдут поддержку широких масс советской молодежи.

Тепло встреченный участниками собрания, с большой речью выступил первый секретарь Центрального Комитета КПСС тов. Н. С. Хрущев.

Участники московского собрания комсомольцев и молодежи, изъявивших желание поехать на освоение целинных и залежных земель, единодушно приняли обращение к комсомольцам и молодежи Советского Союза, в котором призывают последовать их примеру.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 4 (3349)

Суббота, 8 января 1955 г.

Цена 40 коп.

Жан ФРЕВИЛЬ,
французский писатель

Со светочем в руках

Классическая французская литература может быть охарактеризована тремя основными чертами: гуманизм, борьба против предрассудков и метафизических взглядов, вера в разум и прогресс. Эти общие черты можно найти, в большей или меньшей степени, у Рабле и Монтеня в XVI веке, у Корнеля, Мольера, Лафонтена, Буало, Лабрюйера — в XVII, у Вольтера, Руссо, Дидро, Бомарше — в XVIII, у Виктора Гюго, Бальзака, Стендаля, Мопассана, Золя, Анатоля Франса — в XIX веке.

Чем стало наследство классической французской литературы в бесчисленных руках современных буржуазных писателей? Какую концепцию жизни, какой идеал защищают они?

Сразу после первой мировой войны жанр романа — мы говорим здесь только об этом жанре — изобилует произведениями, которые старались изучать и анализировать человеческую личность, отрывая и изолируя ее от внешнего мира. Романистам нравилось изображать исключительные случаи, они проявляли изысканный скептицизм, то погружаясь в болезненную психологию, то культивируя пустой формализм. Начиная с этого времени литература буржуазии отказывается от реальности; в самосозерцании она ищет убежища от бурь истории.

Далее, около 1930 года, в романе открывается период традиционной авантюристы. Находясь вне традиционной морали, он раскрывает свой ницшеанский индивидуализм; он завоевал мир, полностью его презирая. В эту эпоху империализм считал себя более сильным, кровавые фашистские авантюристы завладели многими странами Европы. В этой атмосфере буйства и насилия романисты Мальро и Дрис Ларюшель описывают описанные от власти завоевателей, которые презирают людей и хотят господствовать над ними. Для эти одиночек и честолюбивое действие является одновременно бегством от самих себя и самоцелью. Счастье состоит для них в изменении из жизни максимум эгоистических радостей.

Пришла вторая мировая война; следствием ее было падение фашизма и подъем прогрессивных сил во всем мире. Сегодня буржуазные писатели сменяли своего героя. Они полны тревоги. Веселения кажется им абсурдным, плохо организованной, опасной. Вместо ненастного завоевателя, который находит наслаждение только в приключении, они создали новый миф — миф о загнанном, о затравленном человеке, изображаемом среди опасностей, от которых ему невозможно ускользнуть.

Кафка первым описал этот тип человека, чья жизнь есть бесполое и несурьезная история, человека, преследуемого за преступление, которого он не совершал. Кафка создал во Франции школу, ибо Дюамель, Жюльен Грин, Симеон, Камию подхватили эту тему.

Как далека теперь эпоха, когда буржуазная мысль, отважная и уверенная в себе, штурмовала колонны храма и развешивала веру! Сегодня она старается разрушить разум. Классическая французская литература стремилась к утверждению личности, к триумфальному прославлению человека. Декадентская литература прилагала усилия, чтобы разбить, раздробить, разложить человеческую личность, усугубить в порождении и погублении человека. Некогда писатели прославляли разум и руководствовались им. Сегодня сознание устраняется в пользу инстинкта, в пользу бессознательного.

Эта ликвидация личности, выражающая смещение целого класса, несомненно, является характерной чертой современной буржуазной литературы. Французские классики представляли себе человека цельным, логичным, господином над самим собой, знающим, чего он хочет, верящим в свою судьбу и в окончательную победу над природой. Для современных представителей буржуазной мысли человек уже не хозяин своих желаний и своей судьбы, он уже не в состоянии оценить те силы, которыми он обладает. Он больше не верит в свое будущее, он утратил веру.

Историческое приветствие ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду советских писателей в числе других задач поставило перед советскими писателями задачу в еще большей степени использовать ценный опыт наших зарубежных друзей в борьбе за высокое художественное мастерство. На съезде в выступлениях ряда зарубежных гостей со всей отчетливостью указывалось на то, что прогрессивным писателям на Западе только тогда удастся создать высококачественные и высокохудожественные произведения, когда они сочетают служение передовым идеям своего времени с верностью лучшим традициям национальной культуры. В ценном опыте наших зарубежных друзей борьба за сохранение и развитие передовых традиций национальной классической литературы и искусства занимает весьма важное место.

Мы публикуем сегодня статью французского писателя Жана Фревиля, рассказывающего о том, как протекает эта борьба во Франции.

Французские классики верили во «всемирный порядок», порядок, который создали бы люди, поскольку он не существовал на деле. Литература современной буржуазии отвергает самую идею о возможности порядка. Для них все — абсурд и хаос. «Нет всеобщего закона, по которому можно было бы судить и приговаривать людей», — говорят они. Человек не может ни управлять этим хаосом, ни подняться над ним, ибо мир для него непонятен и непознаваем. Человек испытывает растущий ужас перед неупорядоченной планетой, он сомневается в целостности своей собственной личности.

В тот момент, когда наука высвобождает заключенную в материи энергию, империалистическая буржуазия выражает свою тревогу и страх. Преследователи объявляют себя преследуемыми; они обвиняют мир в несправедливости и несправедливости, тогда как они сами ввергли и ежедневно ввергают его в беспорядок, беззаконие и войну.

Каковы следствия этой философской концепции в литературе? Прежде всего воскресение старого мифа о роке. Классическая литература рассматривала зло как явление случайное, историческое, но не метафизическое, не вечное. Современная буржуазная литература взваливает на людей бремя рока, от которого они никогда уже не в состоянии избавиться. Она приговаривает их к безнадёжности, так как у них нет, что они уже не в состоянии изменить своими действиями, что смысл жизни усложняется от них и что они пребывают во всемогущей, которая не создана для них.

Другое следствие: в этой литературе уже невозможна типичность. Андре Жид писал в «Фальшивомонетчиках»: «Я всегда лишь то, чем я кажусь себе, — это представление меняется беспрестанно... Ничто не может отличаться от меня больше, чем я сам». Человек, который не находится более перед лицом познаваемой реальности, сам является существом искусственным, выдуманным, несомненным, неуловимым. Существует ни типических характеров, ни типических обстоятельств. Это гибель реализма, который Энгельс определял как точное изображение типических характеров в типических обстоятельствах. Это также конец гуманизма, ибо не верить, что человек является носителем истины, воли, изменчивого, но логического «я», означает разрыв со всеми традициями классической французской литературы, означает отход от гуманистической эры.

Идеология разложения и ликвидации присуща не только французским буржуазным писателям. Эти последние усиленно испытывают иностранные влияния. Раздробленный, несвязный, расплывчатый мир, который они изображают, является миром многих английских и американских писателей. Итак, как по своему характеру, так и по влиянию, которое она испытывает, эта литература французской буржуазии является по преимуществу космополитической.

Когда нигилизм выступает в качестве могильщика гуманизма, было бы напрасно удивляться, что оптимизм Рабле, Дидро, Виктора Гюго уступил место леденящему пессимизму какого-нибудь Берноса или Монтерлана.

В то время как литературное творчество правящего класса свидетельствует об одышке и умственном расстройстве, прогрессивные писатели вновь поднимают знамя классической французской литературы, знамя национальной традиции гуманизма. Мы присутствуем при своеобразном явлении, какого не бывало во Франции со

времен XVIII века: лицом к лицу стоят две литературы, различные по своим концепциям и целям, которые они ставят перед собой. Они выражают противоположные стремления двух существующих в настоящее время больших социальных сил.

Несомненно, во Франции всегда были писатели, которые становились рупором прогрессивной мысли. Но Виктор Гюго, Золя, Анатоля Франс — не говоря о других — были тесно связаны с литературной жизнью своего времени; они были признаны господствующим классом в качестве больших художников, если даже он не разделял всех их идей. Теперь, напротив, между миром разложения и миром возрождающейся весны вырывается пропасть. Прогрессивные идеи выражаются уже не отдельными писателями, во всем остальном почитаемыми буржуазией, они, эти идеи, являются движущей силой всей новой литературы, которую буржуазия не хочет признавать. Тем самым еще раз красноречиво подтверждается положение Ленина о двух культурах в лоне одной и той же нации.

Прогрессивная литература продолжает во Франции старую борьбу за человека, за его счастье, его безопасность, его будущее. Она прославляет жизнь, а не смерть, она провозглашает, что человек есть существо, прежде всего разумное и обладающее огромными возможностями, что он должен построить мир, в котором каждый найдет себе место.

Вполне естественно, что прогрессивные писатели, во главе с Арагоном, Эльзой Триоле, Анри Тиллем, Пьером Куртадом, Веркром, Франисом Журденом, Гамарра, борются в своих книгах прежде всего против самой ужасной опасности, которой империализм подвергает человечество, — против войны. В этой борьбе они, естественно, сталкиваются с мрачными силами, мечтающими по науке американских поджигателей войны погрузить мир в океан крови и слез.

Эта борьба за мир сопровождается напоминанием о том, чем была последняя война. «Помни!» — читаем мы на мраморных досках, установленных на улицах Парижа и на станциях метро в тех местах, где франтиеры и французские партизаны, сраженные нацистами, падали с оружием в руках. «Помни!» — повторяют в своих произведениях прогрессивные писатели, непосредственно очевидцы ужасов, на которые буржуазная литература набрасывает покров. И произведения прогрессивных писателей ценны не только как напоминание — они воспитывают в новом поколении память и уважение к героям, павшим за свободу.

В то же время прогрессивная литература с энтузиазмом обращается к будущему. Она интересуется гигантскими историческими сдвигами, которые происходят или готовятся в Европе, Азии, Африке, Америке...

Здесь французская литература остается верной заветам наших классиков. Монтень писал: «Я не изображаю существование, я изображаю изменение». Виктор Гюго в одном из своих лучших стихотворений сравнивал человечество с кораблем, который плывет навстречу справедливости и братства. Желание работать над преобразованием мира, страстное ожидание того нового, что нарождается и развивается, уверенность в возможности счастья, непоколебимая вера в человека — вот некоторые из черт, характеризующих французскую прогрессивную литературу.

Писателям буржуазного распада не удастся свергнуть в пучину упадка и деградации богатые традиции французской литературы, которая столько сделала для того, чтобы озарить Францию светом. Для того, чтобы этот свет не потухал у нас, прогрессивные писатели сами борьбу против всех сил реакции. Само движение жизни ведет их вперед.

Каковы бы ни были трудности, с которыми они сталкиваются и еще столкнутся, они встретят их лицом к лицу, ибо знают, что их дело восторжествует.

ПАРИЖ

Международные отклики

КАКУЮ РОЛЬ ВАШИНГТОН ГОТОВИТ ФРАНЦИИ

Прошло десять дней с тех пор, как правящие круги Франции ценой постыдных маневров и ухищрений протаскивали через Национальное собрание парижские соглашения, а французская тема продолжает занимать центральное место на страницах зарубежной печати.

Обозреватели европейских газет придают особое значение дипломатической активности французского премьера Мендес-Франса. Действительно, словно боясь упустить время, он поспешно направился в Рим для встречи с председателем итальянского совета министров Шельо. Из итальянской столицы Мендес-Франс поедет в Баден-Баден для переговоров с Аленгаузом. Пока же один из крупнейших французских чиновников Жан Мари Суто обсуждает с руководителем политического отдела боннского министерства иностранных дел Гербертом Бланкенхорном практические вопросы перевооружения Западной Германии.

Некоторые французские круги, те самые, которые рьяно поддерживали идею возрождения агрессивного вермахта, пытаются изобразить активность французского премьера как признак «усиления влияния Франции на международную арену». Они твердят об «укреплении атлантической солидарности», заверяют, что теперь, мол, Франция, наконец, обеспечено место равноправного партнера США и Англии в европейских делах.

Однако эти явно инспирированные окружением Мендес-Франса высказывания не могут заглушить тревоги, усиливающейся в различных кругах страны. Ряд буржуазных газет расширяет поле полемики, с которой французский премьер направился в Рим, как стремление противопоставить укрепление франко-итальянских отношений все более явному сближению между Вашингтоном и Бонном. Парижская «Комба» говорит об этом вполне несмысленно. «Не следует скрывать», — пишет газета — что несмотря на все опровержения, в рамках НАТО готовится объединение Бонна и предоставление роли своего главного союзника в Европе Западной Германии, отодвинутой на второй план Францию, «Комба» с горечью отмечает, что Пенгетон делает главную ставку на будущую западно-германскую армию, которая будет «основой сухопутной силы, находящейся в распоряжении атлантического блока».

Но дело не ограничивается предоставлением боннским реваншистам ведущего места в создании вооруженных сил. Вашингтон, судя по всему, намерен сделать русских пушечных королей хозяевами в создаваемом ныне «европейском объединении вооружений». Совершенно очевидно, что позиция США и Англии по отношению к этому объединению тесно связана с намерением полностью подчинить Францию американско-боннскому диктату в области военной промышленности. Французская печать указывает на то, что едва закончилось обсуждение парижских соглашений в Национальном собрании, как стало известно, что Англия и страны Бенелюкса намерены войти в это объединение, призванное стать поставщиком вооружения для атлантического блока. Американские и английские правящие круги, оставившие себе свободу рук в деле производства и поставок оружия, заинтересованы в создании такого европейского «пула», где ведущее место займут боннские фабриканты оружия, а Франция окажется в подчиненном положении.

В Вашингтоне не думают скрывать, какая роль уготована Франции. Засекретившая пропаганда грубо третирует своих французских «партнеров», без стеснения говоря о том, что они могут рассчитывать лишь на второстепенную роль в западноевропейском союзе.

Вот характерные высказывания ведущих американских реакционных газет в эти дни. «Нью-Йорк таймс» пишет, что, хотя США и останутся во Франции, они будут строить свои расчеты на использовании Западной Германии, Бельгии, Голландии и даже франкистской Испании. Близкий к государственному департаменту США журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Ворлд рипорт» поясняет, что США «не совсем уверены во Франции». А внешнеполитический обозреватель газетного треста Скриппс-Говард Денни идет еще дальше: «Союзники намерены уменьшить роль, на который они идут во Франции. Цель состоит в том, чтобы сделать оборону Европы менее зависимой от этой раздробленной разрозненной страны, а политику союзников — менее зависимой от французской слабости. Разумеется, если это окажется необходимым, в предельном инциденте говорит Денни, — это будет отрицать в дипломатических заявлениях. Тем не менее нет никаких сомнений в том, что отношение влиятельных государственных деятелей и военных руководителей союзников к будущей роли Франции весьма отличается от того, что было несколько недель назад».

Всем памятно, что во время обсуждения вопроса о ратификации парижских соглашений в Национальном собрании Франция Мендес-Франс всячески запугивал парламентариев «изоляцией Франции» в случае провала американского плана вооружения Западной Германии. Хотясь за глотками членов парламента, он обещал им «усиление роли Франции в европейских делах», «атлантическую солидарность», возможность контролировать вооружение Западной Германии и т. д. и т. п.

Как же выглядал на деле пресловутая «атлантическая солидарность», во имя которой французские правящие круги призвали пожертвовать независимостью и безопасностью Франции? Грубые окрики Вашингтона, оскорбительные выпады американской печати, называвшие Францию второстепенной державой, — таковы некоторые из плодов политики Мендес-Франса. О каком «укреплении французских позиций», о каких «гарантиях безопасности» может идти речь, когда боннским реваншистам и пушечным королям предоставляется ведущее место в атлантическом блоке?

Заклинания и угрозы Мендес-Франса и его сторонников не могут обмануть общественность страны. Во Франции усиливается движение в защиту национальной независимости и безопасности родины, против унижающего достоинство и честь Франции американско-боннского диктата. Тревожные голоса раздаются и в буржуазных кругах. Французская газета «Монд» напоминает, как правящие круги США угрожали во время прений в Национальном собрании заключением одностороннего военного договора с Западной Германией, то есть тем самым прямо говорили о своем намерении нарушить обязательства по отношению к Франции. «Это означает», — пишет газета, — что мы не можем вводить обязательствам, которые они (речь идет о США и Англии — Лнт.) берут на себя в настоящее время по отношению к нам, потому что они решили не выполнять вчерашних обязательств. Это означает, что всякие переговоры о гарантиях, содержащихся в парижских соглашениях, а также о гарантиях, которые предусматривались покойным договором о ЕОС, бесполезны...»

В этих словах буржуазной газеты «Монд» заключена горькая правда...

ЛИТЕРАТОР

Встреча с японскими литераторами

Вчера в Союзе советских писателей состоялась встреча японских литераторов Суноо Токунага и Иваками Дзюнэти с писателями, а также с преподавателями и научными сотрудниками Института востоковедения Академии наук СССР и Московского государственного университета.

Творчество писателя Суноо Токунага пользуется широкой известностью далеко за пределами Японии. Его книга «Лица без солнца», в которой описана крупная стачка токийских печатников, вошла в основную фонд лучших произведений японской литературы. Другой его роман «Токио — город безработных» также посвящен жизни и борьбе японского пролетариата. Оба произведения переведены на русский и другие языки. После войны переведен у нас новый роман Суноо Токунага «Тихие горы» — первый из многотомной серии, задуманной автором. Он посвящен описанию событий, развернувшихся в Японии после капитуляции. Иваками Дзюнэти — известный в Японии литературный критик и общественный деятель.

По просьбе собравшихся гости рассказали о современной японской литературе, о борьбе прогрессивных писателей страны за мир и ответили на вопросы, касающиеся различных сторон литературной жизни Японии.

ВО ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ МЕТАЛЛУРГОВ

Оживленно по вечерам во Дворце культуры металлургов Нижне-Тагильского завода. В зрительном зале можно послушать выступления известных в стране народных хоров, симфонических оркестров, хореографических ансамблей, посмотреть спектакли приезжающих на гастроли театров. При дворце созданы постоянные лектории, интересно проходят «молодежные среды», выпускается устный журнал «Хочу все знать». В трех хороших и драматическом коллентивах, студии изобразительного искусства, оркестре народных инструментов участвуют многие метал-

лурги и члены их семей. На сценках: 1. Китайские металлурги Чжан Хоу-цзи и Цзя Дин-сюнь, проводящие практику на заводе, в кругу своих русских друзей. 2. За мольбертом в изостудии модельщик В. Шумихин показывает товарищам свою новую работу. 3. В читальном зале. 4. Надя Королева и Антонина Юдина, участвующие в спектакле «Доходное место», перед выходом на сцену. 5. Пioneры у действующей модели домы.

Фото А. Уолла



МЕСТНАЯ ИНИЦИАТИВА И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ РОГАТКИ

Спрос на книгу обгоняет предложение. Тиражи растут, но количество покупателей увеличивается быстрее. Дело, однако, не только в тиражах. Разве не бывает так: отпечатано книг достаточно, а купить их в районном магазине колхозники не могут?

Надо, как говорят работники торговли, «доставить» книгу до читателя. Ведут же ее порой странными путями — в обход, через горы ненужных бюрократических бумаг, иногда вовсе в обратную сторону от тех, кто ее ждет. Укоротить этот путь, выпрямить его — это ли не важное дело!

Взгляды за эту задачу и работники Свердловского книгооторга. Но ведь бывает и так — на месте трудятся люди живые, с огоньком, дело в руках спорится, а где-то в дальней инстанции это живое дело, когда оно, наконец, попадает туда, сразу превращается в «мероприятие», мероприятие — в приказ, приказ — в инструкцию. А случается, что и в инструкции дело не доходит...

Задумались в Свердловске, почему так часто получается, что в Книгооторге книги есть, а на селе их днем с огнем не найдешь, почему иногда колхозники едут к книге, а не она к ним? Конечно, нужна четкая информация. Начали издавать для колхозов и МТС специальные каталоги, информационные сводки. Пошли дальше — стали собирать заявки с мест: сообщить, в чем нуждается, что прислать? Решили так: «Что, если в каждой МТС будет информатор, которому мы выслали бы списки вышедших книг, а он собирал бы заявки читателей и сообщал их нам?». Добровольцы нашлись сразу почти во всех МТС области. Секретарь парторганизации Динской МТС С. Свизев написал в Книгооторг: «Беру на себя обязанность информировать наш коллектив о вышедших книгах...». Прислала письма с согласием на это общественное поручение и секретарь парторганизации Южаковской МТС Н. Анисимов и агроном Николай Павлович МТС В. Кагулина. За короткий срок Книгооторг выслал в село по заявкам из МТС 10 тысяч книг.

С каждым месяцем крепил живые связи между сельскими читателями и работниками книгооторга.

Энтузиаст этого дела, заведующий книжным магазином в Ачите Константин Федорович Ашихмин решил не посылать каталоги по почте, а лично поговорить с колхозниками. На попутных машинах и подводах, а чаще всего пешком путешествовал он из села в село. В первые же дни Ашихмин заключил договоры на постоянное «книгоснабжение» с десятью колхозами района.

Прошло немного времени, и об инициативе свердловских книгооторговцев узнали в других областях. В адрес Книгооторга начали приходить письма из Ростова, Симферополя и других городов: «Расскажите, пожалуйста, о вашей работе». И заместитель директора Книгооторга С. Ханин подробно ответил на все вопросы в статье, опубликованной в бюллетене «Советская книжная торговля».

Инициативу работников Книгооторга одобрил Свердловский обком КПСС.

Только областное управление культуры хранило молчание. Но ведь есть в Москве учреждение, призванное заниматься организацией книжного дела, распространять опыт лучших, думать о том, как уберечь тернии с пути книги от типичной по книжной полке читателя. — Главкниготорг Министерства культуры РСФСР. Однако и он молчал.

Пришло напоминать. В начале прошлого года С. Ханин, прехвативший по служебным делам в столицу, рассказал руководителям Главкниготорга РСФСР о работе коллектива (хотя обо всем этом письменно уже докладывал).

— Поделились бы опытом с другими книгооторгами, у них опыт позаимствовать, — мечтательно заметил Ханин.

— Идеи! — возмущенно подхватила собеседница. — Организуем совещание, заслушаем и распространим. Кого рекомендуете вызвать?

— Ашихмина. С богатейшим опытом человек...

— Договорились. Пускай готовится, в этом месяце вызовем обязательно...

Наш деревенский житель тянется к книге. Она нужна каждому — и рядовому колхознику, и председателю артели, и механизатору, и агроному, и заочнику вуза, и сельскому учителю, и комсомольскому активисту. Спрос на книгу огромен.

А вот снабжают книгой село намного хуже, чем город. О недостатках книжной торговли в деревне говорилось в печати немало, однако решительных изменений пока не произошло. Вынаты в этом и работники местных книгооторгов, не проявляющие инициативы и часто перелаживающие всю ответственность на потребкооперацию; инициатива и кооперативная сеть, все еще не имеющая «вкуса» к торговле книгой; инициатива и центральные книгооторгские организации, которые иногда равнодушно относятся к интересам начинающих с мест, «слушают» эти начинания.

Сегодня мы публикуем корреспонденцию писателей Ю. Хазановича из Свердловска и П. Загребельного из Днепропетровской области, изучавших, по просьбе редакции, постановку книгооторгов на селе.

Ашихмин подготовил материал, — а ему было о чем рассказать, — и стал ждать. Минул месяц, другой, третий, прошел с тех пор уже почти год — никто так и не исполнил обещанного.

Впрочем, Ашихмин и его товарищи по работе начали догадываться о причине молчания: работникам Главкниготорга попросту некогда было заниматься опытом свердловчан — они были заняты срочным постановлением «О мерах по улучшению книжной торговли». Каждое такое постановление приходило в Свердловск в трех экземплярах — из канцелярии министра, из Главкниготорга, из областного управления культуры.

Недавно Книгооторг получил приказ Министерства культуры РСФСР «О ходе выполнения постановления Совета Министров РСФСР «О мерах дальнейшего улучшения книжной торговли». И хотя, по обычной традиции, пришли три бумаги-близнеца, в Облкниготорг на этот раз не стали: приказ наконец-то обязывал смеяться бумаготворчеством на живое оперативное руководство.

«Отлично! — подумали в Свердловске. — Коль начали проверять исполнение, значит, толк будет!»

Знал в Книгооторге успели прочесть приказ, раздался звонок из областного управления культуры:

— Приказ министерства получили? Готовы предложения для облуполкома.

— Какие предложения?

— Обыкновенные. Напишите о своей работе, подумайте, как ее улучшить...

— Но ведь это вы должны... Мы уже предлагали.

— Не мудрствуйте. Давайте!

Другой телефонный звонок — из горисполкома:

— Приказ министерства читали? Ждем ваших предложений.

Потом позвонили из обкома профсоюз работников культуры:

— С приказом знакомы? Чудесно. Разработайте-ка для президиума обкома предложения по усилению и подъему...

Завертелась машина, набрала обороты, поспушай, останься же! И в Книгооторг закричали перья: «Работники книжной торговли области в значительной степени улучшили...». «А удобно ли так о себе? Хотя, впрочем, ведь это вроде как бы не мы пишем, а облуполком, горисполком и обком профсоюза...».

За этими размышлениями я и застал директора Свердловского книгооторга А. Корякина. Он открыто признался: — Переписываю вот старые наши доклады... Ничего ведь не переменялось. Сколько лет поднимаем вопрос о строительстве в Свердловске Дома книги, о складских помещениях? Торговля растет, а площади складов остаются те же, что десять лет назад, — книги некуда принимать... Или вот оборотная бумага — из-за нее часто книги на места отправлять не можем. Наши товарищи уж тут шутят: если

бы, говорят, из трех экземпляров всех бумаг, что нам шлют, каждые два пустить на оборотки... — Не знали бы горя... Много обид выложил мне Корякин, на многие жаловался, а потом вдруг сразу прямо и резко сказал: «Если уж говорить, то все, и начисто. Дело в том, что руководители-то наши, на которых мы уповаем, — Главкниготорг РСФСР, — это ведь уловистая, какая-то, не больше. Финансами он не ведаст — книгооторги находятся на местном бюджете, за и книгами он не торгует — всю литературу, какую вы видите в наших магазинах, мы получаем из Главкниготорга СССР. Одним словом, мельница под крыльями...»

— Чем же все-таки он занимается?

— Чем? Пишет директивы, как улучшить торговлю, шлет нам приказы министерства, обязательно со своим добавлением: «для руководства и неуклонного исполнения», будто мы сами не знаем, что приказы надо выполнять. Да, еще он распределяет книги областных и краевых издательств...

Впрочем, и эту свою обязанность, если судить по Свердловской области, Главкниготорг РСФСР выполняет плохо.

Установлен порядок: краевые и областные книгооторги обязаны сообщать в Главкниготорг РСФСР: «В нашем издательстве выходит такая-то книга, таким-то тиражом...». Как только приходит это известие, аппарат Главкниготорга, насчитывающий 35 человек, развивает кипучую деятельность. Каждая книга берется на строгий учет, весь тираж разверстывается по городам республички. Четыре и говорить, работа, на первый взгляд, огромная, кропотливая.

А вот что получается.

Приходит в Свердловск разрядка: «Направляем для исполнения план размещения тиража книги М. Горького «Фомы Гордеев», 75 тысяч экземпляров, и Л. Карелина «Малашин эвемплир юстиции», 75 тысяч экземпляров». Под тремя страницами, густо усеянными цифрами, стоит подпись заместителя начальника Главкниготорга РСФСР тов. Крутовичева. А книги эти уже давно пропаны.

Дело в том, что все областные, краевые и республиканские книгооторги обмениваются между собой планами местных издательств. Они знают, где какая книга выходит, и шлют друг другу заказы. Люди заинтересованные, активные не ждут этих самых разрядок и действуют самостоятельно, через голову Главкниготорга. Да и что толку в его разрядках! Вот, например, Вологда и Архангельск не заказывали в Свердловске «Фомы Гордеева», а Главкниготорг «расписал»: «В Вологду выслать 1000 экземпляров, в Архангельск — 800». В других областях этой книги не хватает, а Главкниготорг этого не знает. За последние годы у Свердловска наладился живой обмен изданиями с Минском, Баку, Ригой, Талдином, Петропавловском, Симферополем, и, конечно, кто-то, а читатель на это не в обиде. Обороты Свердловского книгооторга растут, но растут и требования к нему.

Не так давно довелось мне побеседовать с начальником Главкниготорга РСФСР Василием Дмитриевичем Семиным. На вопрос, как глава развивает местную инициативу, какая, например, помощь была оказана Свердловскому книгооторгу, который впервые стал заключать договоры с колхозами, товарищ Семин ответил весьма неопределенно: «Мы даем указания, директивы, направляем работу местных книгооторгов...».

Понятна тревога работников Свердловского книгооторга. Большие задачи стоят перед книжной торговлей области, но, скажем прямо, трудно справиться с ними без действенной помощи, без подлинного руководства. От кого ждать этой помощи? От Главкниготорга РСФСР? При терпеливом его положении вряд ли.

Ю. ХАЗАНОВИЧ
СВЕРДЛОВСК



Книжный магазин № 10 Сормовского района уже в первый год пользуется хорошей славой в Горьковской области. Да и в соседних областных книжных магазинах не раз завоевывал первенство и почетные грамоты. На год в год растет товарооборот магазина, все больше растет популярность книжной торговли. Большую роль играет то, что работники не просто торгуют книгой, а продают ее в массы. Много делится общественные уполномоченные в цехах, книгооторгах. Есть у магазина и инициативный отдел. В конце прошлого года директор магазина тов. Белвский и один из старейших продавцов-книжников — Ольга Васильевна Рыбакова организовали автофургоном в колхозы имени Буденного Линдского района. За день было продано свыше двух тысяч различных книг и брошюр. Один из покупателей — директор библиотеки литературы на триста рублей. НА СНИМКЕ: в магазине № 10; за прилавком — О. Рыбакова. Фото В. Пушкина

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«БУХ — № 900»

Почти одновременно почта принесла два письма. В одном из них секретарь Магаданского обкома партии тов. Н. Жихарев сообщает, что бюро обкома КПСС обсудило опубликованный 23 сентября 1954 года в «Литературной газете» заметку об ошибках в газете «Советская Чуколка» и признало ее правильной. Редактору газеты, отбывая безответственное отношение к отбору публикуемого материала, выразилась публикация бессодержательной и путаной статьи И. Протогасова: решено заслушать на бюро обкома КПСС отчет Чукоцкого окружного комитета о работе газет. Для проверки работы окружной и районной печати направлены в Анадырь работники обкома.

Далеко от Москвы до Магадана и от Магадана до Анадыря. Но живущие там партийные и советские работники близко принимают к сердцу слова критики.

Но вот другое письмо. В ответ на опубликованной 18 сентября 1954 года в нашей газете фельетон «Дорогие шефы», в котором рассказывалось, что Астраханский судоремонтный завод имени Урицкого отремонтировал тракторы для своей подшефной МТС не по установленным Министерством сельского хозяйства СССР расценкам, а по сверхкоммерческим, директор завода тов. Баранов, секретарь партбюро тов. Вехов и председатель завкома тов. Абуллин прислали преддипломатический документ.

Авторы письма скороговорливо сообщают: «Следует признать, что недостатки в оказании шефской помощи Камызякской МТС имели место и отмечены правильно», что «здесь ряд работ мог быть сделан в порядке общественной помощи коллективу МТС», что фактически затраты завода по смете МТС составили 21.830 рублей, а за счет МТС был предельно на 39.219 рублей.

Казалось бы, дошла критика до руководителей завода, и они сделали немедленно выводы. Вывод сделан немедленно, но неожиданный: «Руководство завода, — следует в письме, — не имеет сомнений, что при условии делового подхода к решению вопроса о ликвидации дебиторской задолженности со стороны руководителей МТС, вопрос может быть решен без труда государственно-правильное решение». Если перевести эту фразу на обычный язык, то она будет звучать примерно так: «Платите за нашу шефскую помощь 39.219 рублей. Это единственный документ, который директор завода, секретарь партбюро и председатель завкома, не зарегистрирован так: «Отдел — бух. №900».

«Бух. № 900» означает, повидимому, что документ о состоянии шефской работы на заводе составлялся в бухгалтерии.

Не худо, что руководители завода советуют по вопросам шефства с бухгалтерией. Но худо то, что они не посоветовались с ней, как снизить непомерно вздутые накладные расходы и как наказывать виновников этого злостного нарушения финансовой дисциплины. А если и посоветовались, то ни словом не обмолвились о принятии ими мер по устранению этой ситуации. Наоборот, руководители завода только еще раз подтвердили тот удивительный факт, что на каждые 20 тысяч рублей, затраченных ими на производство продукции, они накладывают еще и 20 тысяч рублей накладных расходов. Конечно, такое признание дорого. Но не чересчур ли дорого оно обходится потребителю?

В январе этого года выйдут в свет первый номер журнала «Исторический архив», созданный при Институте истории Академии наук СССР.

В задачи журнала входит публикация новых архивных документов по истории советского общества и истории России, а также по истории науки и искусства. В отделе критики и библиографии будут помещаться материалы, отражающие состояние и развитие археологической и архивоведческой науки в СССР и за рубежом.

По своему профилю журнал представляет интерес не только для специалистов-историков, но и для широкого круга интеллигенции. Об этом свидетель-

ствует уже само содержание первого номера. В нем будут впервые опубликованы хранящиеся в архиве ИМЭУ документы о III съезде РСДРП, показавшие очевидное расхождение работ 9 января 1905 года, новых архивных документов об участии А. М. Горького в революционном движении 1905 года. Публикуется новый документальный материал о революционных восстаниях, происшедших в ноябре-декабре 1905 года в Донбассе, Нижегородской губернии и Прибалтике. Наряду с документальными материалами в номере печатаются научные статьи.

Периодичность нового журнала — 6 номеров в год.

Существенным недостатком журнала «Лoomинг» является то, что лишь незначительная часть публикуемых произведений посвящена современной действительности. В течение года не было напечатано ни одного очерка. Редакция намерена решительно изменить такое положение. Уже в первой половине нового года будут напечатаны очерки Антса Саара и Уно Лакта об эстонской колхозной деревне и Тамары Томберг «На берегах Нарвы» — о строительстве Нарвской ГЭС.

Запланированный к печати роман Эгона Раннета «Гуси» также посвящен нашей советской действительности. Герой его — люди эстонских колхозов и МТС. Сегодняшний день — в рассказе Марта Рауда «Служитель бога» и в ряде других.

В первых номерах «Лoomинг» опубликует обзорные статьи о прозе, поэзии и драматургии в эстонской литературе, а также литературоведческие статьи, посвященные вопросам правильной оценки литературного наследства.

ТАЛЛИН
Лямар СИКЕМЯЭ

ФЕЛЬЕТОН

Красная свитка



Нет, не перевелась еще на свете чертовщина! — Огонь гоголевский дыган из «Сорочинской ярмарки» и приворожил, околдовал людей. Да не простых, несудящих в тонкостях закона, а самых судей обел вокруг пальца! Да не одного, а нескольких!... Шумным табором расположились цыгане на выгоне у станицы Кривянской, что близ города Новочеркасска. В отличие от своих предков, предпочитавших гужевой транспорт, прибыли они сюда на грузовых такси. Крахтя, они выгружали громоздкие, фабричного вида ящики. На ящиках был трафарет: «Не кантовать! Пускать!».

«Хозяинский хаживал — меж штабелей ящиков, сложонных на бугре, старый цыган с серой в ухе по имени Христо Михайл. Но не долго он оставался в таборе. Вскоре люди добрые увидели Михайла в одной, то в другой снабженческой организации Новочеркасска. Потом его следы появились и в Ростове.

— Имею котлы, — снижая голос, соблазнил Христо Михайл хозяйственников. — Берн, дешево продаю. Не поналеши!

В иных местах сразу догадывались, что речь идет о котлах темного происхождения. Ну, какими путем мог табор кочевой приворожить фабричный металл в количестве нескольких вагонов?!

Но наплыв и споворчивые, поклядистые хозяева-инженеры. Директор магазина № 92 Ростпроторма Долгих, управляющий ростовской конторой Главохозснаб Сидоренко и заведующий базой Коопстройорга Саутин вступили в сделку с Христо Михаем, ударили по рукам: давай котлов тысяч на двести!

Ну, а дальше? Табор текущего счета в банке не имеет, перечислений Михайл не признает, да и ждать ему некогда. Надо платить обязательно наличными. А откуда их взять? Как оформить эту сделку? И тут, видимо, понаторевший в подлых делах старый цыган, тряхнув серой и страшно подмигнув черным глазом, сказал:

— А суд зачем? Мы — бригада рабочих и мы потребуем с вас заработную плату за изготовление котлов.

На пути к реализации этого плана стоило серьезное препятствие: наверное, любой судья сразу заметит в этом деле фальшь. Ну, если, скажем, судья окажется рассеянным и не заметит, то обязательно заметит начальство из областного управления Министерства юстиции!

И вот тут все случилось шиворот-навыворот. Ох, сильны же чары красной свитки! Именно начальники управления Министерства юстиции Протасина и его заместительница Балабина помогли старому цыгану обойти закон. Они, как и планировал Христо Михайл, дали указание народным судам принять к рассмотрению подчасованные «дела о взыскании заработной платы».

Предложения принять эти «трудовые дела» были адресованы не тем судам, которые они были подсудны. Карты в колоде были перегазованы.

«Дурь тоби, пек тоби, сатанские навядения!»

Какие навядения замстило глаза судье первого участка Ленинского района Гореловой, судье первого участка Андреевского района Смирновой и судье второго участка Кировского района Осиповой? Неужели ключок бумаги с резолюцией начальства из управления Министерства юстиции испугал их, как гоголевского Черевика испугал кусок красной свитки?

«Ужас оковал всех, нахажившихся в хате». Да не в одной хате, а в трех «хатах» — в трех центральных судебных участках Ростова у нас охватил хозяин!

С перепутку не заметили ни он и странного наименования иста «Коллектив» молдан в количестве 60 человек», и того, что коучущий «коллектив» изготовляет котлы из собственных материалов на сотни тысяч рублей, и отсутствия оплаты исков государственной пошлиной, и явной незаконности сделок.

С неслыханной быстротой, неестественной оперативностью рассмотрели суды эти нелепые иск и мгновенно присудили

в пользу «Михая и других»: судья Горелова — 83 тысячи рублей, судья Смирнова — 33 тысячи рублей и судья Осипова — 30 тысяч рублей.

Присудили — и никакого бюрократизма! — тотчас выдали Христо Михаю исполнительные листы...

— Ну, уж нет! — прервут нас в этом месте читатели. По закону положено десять дней на обжалование решения народного суда! Выходит, недаром в цитируемой вами «Сорочинской ярмарке» сказано: «Полно, полно тебе чепуху молоть!».

А вот же случилась такая чепуха! Один за другим ставятся головоуломские резолюции: исполнительный лист судьи Смирновой выдан в день слушания дела — 23 октября, а через сорок восемь часов, 25 октября, судебный исполнитель уже подает удачливому «Бригадир рабочих» (истати, ему одному, без всякой на то от 60 человек доверенности) взысканную сумму, да притом еще и извиняется: — Надо бы вам вчера денюжки вернуть, да 24 октября оказалось воскресенье...

С тою же кавалерийской быстротой, лихо перескакивая через законы, выдала исполнительный лист и судья Горелова, образуя «для крепости подписку у представителей ответчика «жаловаться не будем!».

В таком же темпе действовала в Новочеркасске судья Крачук.

— Не задерживайте Христо Михайла, ему некогда!

Получил старый цыган чени на крупную сумму и направился в банк. То в одном, то в другом окошке смиренно спрашивает:

— Дорогой, где деньги по топу получают? Мне надо побыстрее, а то в таборе заждались...

И, вынимая этому призыву и мольбе, обычно осторожные работники Ростовской конторы Госбанка, небойзвенно быстро открыли перед Михаем денежные сейфы. «Чопы» (так прозвали Михайла «чело») были оплачены.

И хоть бы кто вспомнил, но на свете существует подоходный налог и что его надо удерживать даже с заработной платы!

«Да тут чудасия, мосьяне!»

Чудасия и есты! Красная свитка попутала народные суды Ростова и Новочеркасска...

Когда бесовское навядение было расценено и решено дела пересмотреть, то кипуче искать истцов во главе с «Бригадиром» Христо Михаем. Ну, что ж. В судебных делах всегда есть адреса сторон. Оказался адрес иста и на этот раз: «Станица Кривянская, выгон, второй бугор».

Искали выгон и нашли. Искали бугор, считали по пальцам: вот первый, вот второй. Нашли и бугор. Но на бугре было чисто, ветер успел разнести даже обрывки бумаг...

«Тут Черевик хотел было потянуть уду, чтобы провести свою кобылу и облить во лжи крепостной подселел, но рука его с необыкновенною легкостью удержалась в подбородок. Глянул — в левый перерезанный узда и к узде привязанный — о, ужас! волосы его поднялись горой! — кусок красного рукава свитки!».

Положение Черевика, по сравнению с поплавшими вприсаки учреждениями, было куда лучше: у него хоть кусок свитки остался...

Наконец-то ростовские и новочеркасские суды, забыв, что судьи независимы и подчиняются только закону, дарно и безропотно пошли на поводу резолюции начальства из областного управления Министерства юстиции.

А народ, избиратели, по-своему, похозяйски оценили всю эту судебную чепуху. Используя свое право, гудевший Ростова и Новочеркасска не включил в списки кандидатов в народные суды Горелову, Смирнову, Крачук — тех, кто оказался подверженным чарам красной свитки.

Сергей ЗВАНЦЕВ,
Владимир ПОНЕДЕЛЬНИК
РОСТОВ-НА-ДОНУ

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

В 1955 году украинский литературно-художественный журнал «Вітчизна» опубликует несколько новых произведений, являющихся продолжением уже известных читателям романов: «Захпята» — В. Попова (продолжение романа «Сталь и шпалак»), вторую часть романа А. Головка «Артем Гармаш», вторую часть романа М. Чабаньского «У Дуная», и, кроме того, новые романы А. Копыленко «Большая земля», посвященный колхозной интеллигенции, и М. Рукавичко «Ветер в лицо» — об украинских степелях.

Среди поэтических произведений, публикуемых нами, — поэмы П. Воронко «Долг» — о партизанах Великой Отечественной войны, Л. Первомайского «Мой отец», поднимая важные морально-этические вопросы, В. Швеца «Ярослава» — о героических советских женщинах, участницах войны, Н. Тихого «Танюша» — о студентах медицинского института. Сюда же следует отнести публикуемое журналом поэму азербайджанского поэта Зейнала Джабарова «На берегах Днепра» (в переводе на украинский язык А. Новицкого), посвященную Советской Украине.

Из числа крупных литературоведческих работ, намеченных к опубликованию в «Вітчизне» в 1955 году, следует отметить труд Д. Новицкого «Об образе положительного героя в украинской советской литературе».

Журнал будет продолжать творческие дискуссии, начатые в 1954 году. Новым в журнале является систематическое печатание материалов, характеризующих международное значение украинской советской литературы.

Содержание нашего журнала в наступившем году в значительной мере определится Вторым всесоюзным съездом писателей. Итогом и значением съезда посвящена редакционная статья первого номера, который скоро выйдут из печати. В «Трибуна писателя» будем продолжать обсуждение вопросов, связанных с развитием нашей многонациональной литературы. Писательскому мастерству посвящают свои выступления В. Игнатьев, П. Вершинин, В. Смирнов и другие. С первого номера отдела критики вводит рубрику: «У полки новых книг».

В нескольких номерах с начала года будет опубликовано большой роман Сергея Крушинского «Горный поток» — об антифашистском восстании в Словакии в 1944 году. Предполагается опубликовать романы Мухтара Ауэзова, Эм. Казакевича, Галины Николаевой, Семена Бабаевского, повесть молодого писательницы Лидии Обуховой.

1955 год пройдет под знаком пятидесятилетия первой русской революции. В мае исполнится десять лет со дня победоносного окончания Великой Отечественной войны. Естественно,

ТАЛЛИН
Лямар СИКЕМЯЭ

Нужны книгоноши!

В чем же дело? Быть может, книгоношество на селе — вещь вообще нереальная? Ничего подобного. Всего несколько лет тому назад на всю Днепропетровскую область гремел Широковский книгооторг.

В 1951 году работники широковского книгооторга обучали десятки книгонош, которые продавали и прокатывали книги буквально во всех селах района. Ангстринга за 20 дней продала в колхозах 5 тысяч экземпляров книг; кинохозяйка Василий Устименов успешно распространял книги в селах Сергеева, Трудовобовка, Свердловка; по степным шляхам района развезжали на собственных мотоциклах и велосипедях десятки комсомольцев-книгонош.

Но позабито это начинание. И так по всей области, Книгооторг которой считается передовым в стране.

Вспоминались забытые книгами поляки магазинов Днепропетровска, пыльные штабелы книг на базах городских магазинов Книгооторга — литература эта лежит, не находя своего покупателя, затоваривает магазины и склады... А ведь, наверное же, какая-то часть этих книг могла быть с успехом реализована в деревне.

Чтобы убедиться в этом, оказалось достаточно нагрузить машину книгами (в том числе «нехотками» и «нерентабельными», какими они считались в Книгооторге) и поехать в колхоз, как это сделали мы с продавщицами Днепропетровского магазина № 18 Ольей Шенетовой и Зиной Глебовой.

Мы поехали в колхоз имени Сталина Днепропетровского района, никого об этом предварительно не предупредив, ничего заранее не «организуя», даже не позволив председателю колхоза Алексею Петрович Нежиной встретиться нас очень приятно.

— Хорошо, что прехезали, — сказал он, — хоть и жал, что не предупредили, подготовились бы, лучше бы дело пошло.

Но оказалось, что и подготовка не особенно нужна.

Мы поехали в бригаду, расположились возле машины и ждали покупателей.

Первыми прибыли ребяташки. Затем — покупатели последние. Заведующий мастерской МТС Василенько покупает «Исто-

рию Украинской ССР», целую пачку книг для дочери, спрашивает еще «что-нибудь художественное, например «Робинзона Крузо». Колхозница Горобец смотрит на книгу Анюшина «Устройство автомобиля» и говорит:

— Если бы ж мой Василь эту книгу увидел, жал непременно заставил бы купить. А она ж допояла — 20 рублей...

Она уходит и вскоре возвращается с мужем, и тот сразу же берет книгу.

Старик-колхозник просит дать ему «Избрание» Остапа Вишны, заведующий фермой колхоза Матвей Семенович Ковалев берет несколько книг стихов, колхозный техник-строитель Елифан Асентьевич Фоменко приобретает «Современный русский литературный язык» Финкеля и Важенюва... За какой-нибудь час колхозники покупают больше половины экземпляров книг.

— Мы мечтаем о том, — говорит секретарь колхозной парторганизации Игорь Федорович Лепша, — чтобы предоставить Книгооторгу помещение для книжной торговли в нашем колхозе. Без книг теперь жить нельзя...

Быть может, и необязательно открывать в каждом колхозе ларек или магазин Книгооторга, быть может, и в дальнейшем целесообразно притерпеться к разделению функций между Книгооторгом и потребительской кооперацией (в том, разумеется, случае, если последняя по-настоящему возьмется за распространение книг), но ясно одно: в колхозы должны пойти тысячи книгонош. Надо только организовать и обучить их. Руководить ими обязаны, конечно, работники книжной торговли при поддержке партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

Книгоноши у нас если где-нибудь и существуют, то их, видимо, очень мало. Но они должны быть везде, их жал в колхозах. Книгоношники могут быть почтальонами, кинооператорами, учащиеся старших классов, студенты, молодые колхозники. Книгоноша будет брать с собой не только книги (их много не возьмешь), он будет брать списки рекомендованной литературы, будет узнавать, какие книги хотят получить жители деревни.

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ
ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ область

Когда я слушал рассказ директора Днепропетровского обкомкнигооторга Василия Иосифовича Тищенко о том, что делают он и его товарищи по продвижению книг в массы, когда рассматривал многочисленные отчеты, я думал: неплохой результат.

Но вот дело коснулось торговли книгами на селе — дело потребкооперации, но все же, учитывая запросы жизни, кое-что делают. Это «кое-что» представляло мою во в виде мероприятия, типично промуероанных.

Разумеется, меня больше всего заинтересовало книгоношество. Что там ни говорить, но и продажа книг на совещаниях и устройстве всяких «дней» и «вечеров» книги никогда не выйдут за пределы кратковременных кампаний, а речь ведь идет об организации постоянной торговли книгами на селе.

На другой день я поехал в Ново-Московск, где был лучший в области магазин Книгооторга, книгоноши которого, по словам В. Тищенко, обслуживали и Ордовщанскую МТС и ряд колхозов района.

Однако книгонош в Ново-Московске обнаружить не удалось.

Да, это правда, что ново-московский магазин Книгооторга — самый лучший среди сельских магазинов области, правда, что его заведующая Галина Федоровна Тонконова любит свое дело, умеет работать, но правда также и то, что в районе Ново-Московска работники магазина почти не выезжают. В минувшем году прокатывала Маланья Борисовна Журавлева всего два раза выезжала с книгами в район — один раз в Ордовщанскую МТС, другой раз — в колхоз имени Чадова, а больше не пришло: то не было транспорта, то некому было поехать, то перучет помешал. А книгоноши? Книгонош нет и не было.

Не удалось обнаружить книгонош и в других районах. Они были только в городах области как на рудниках Криворожья, и функции их в основном ограничивались доставкой полигисчникам на ком очерченных точек подписных изданий.

Наш старший товарищ

В Москве, в Каретном ряду, в обветшавшем и закрытом теперь здании театра МХСР тридцать лет тому назад шла пьеса «Штурм». Трудно было достать билеты на ее шумные представления, которые были необычайным событием в широком театральном мире молодой советской страны.

Необычайность эта состояла в том, что тогда впервые на сцену вышел безусловно реальный герой советской действительности и, как мы тогда выражались, покорила наши сердца — сердца новых, революционных зрителей. Впрочем, и старый зритель дореволюционной формации с изумлением, а то и с восхищением алгодривал на этих страшных и радостных по своему содержанию спектаклях. Представления «Штурма», повторяю, были шумными, заволнованными, бурными.

Уже первые сцены ошеломляли тебя грубой силой правды, которая воинственно вела в подлинную жизнь революционной России. Это властно заявляло себя новое слово в искусстве, полное силным и страшно значительным содержанием, это рождалась новая драматургия и новый советский театр, какого еще не было в мире.

Мы, как зрители, тогда в столь сложных вещах, наверно, и не разбирались. Мы просто от души радовались тому, что вот, наконец-то! — а нам за 8 лет советской власти не терпелось перевернуть и переделать все на свете, — что вот, говорили мы, наконец-то, пришел писатель, который создал до конца правдивые картины нашей жизни, и мы с радостью приветствовали Владимира Билль-Белоцерковского — автора знаменитого «Штурма».

С тех пор прошло 30 лет. И сейчас, в день семидесятилетия Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского, мне хочется снова говорить об этих неуважительно забытых молодежи моего поколения. Хочется говорить об этих дорогих чувствах с особым удовольствием еще и потому, что для меня В. Н. Билль-Белоцерковский — пионер, первооткрыватель, или точнее — зачинатель советской драматургии.

Билль-Белоцерковским написано много произведений: это и пьесы «Эхо», «Левый руль» и созданные уже в послевоенные годы «Вокруг ринга»; это и многочисленные рассказы из жизни простых людей в капиталистическом мире. Но значительнейшим произведением в творчестве писателя безусловно остается «Штурм», переживший свое время и поныне идущий на сценах советских театров и театров стран народной демократии.

Для нас, драматических авторов, «Штурм» — не только первая вежа и начало живой истории советской драматургии и советского театра, но еще и начало советской классической школы с ее еще стихийными и порывистыми первыми ростками социалистического реализма.

Живой историей мы называем то, что передает нам по непосредственным впечатлениям. «Штурм», как первая реалистическая пьеса, написанная с большим талантом, несомненно, оказала очень сильное влияние на литераторов моего поколения и больше всего на драматургов. В начале огромной галереи народных образов нашей драматической литературы стоит матрос Виленчук, которого знал наш широкий зритель под именем «Братишка». С ним, с этим донельзя дорогим нам Братишкой, мы

радостно смеялись в течение пьесы и плакали в конце ее, когда Братишка кричал похолодевшим председателю укома партии: — Вася!.. Вася!.. Наша взяла!

Сейчас надо снова перечитать «Штурм», чтобы понять живое влияние этой пьесы на наше молодое искусство в драматургии тридцатых годов. Ведь лицо, названное автором «Штурма» председателем укома, так до сих пор огромную силу собирательности, и мне сейчас становится смешно читать известные рассуждения наших авторов о положительном герое наших пьес да еще о герое «идеальном». Смешно потому, что многое, о чем рассуждают эти авторы, было открыто и много опровергнуто на сцене 30 лет тому назад в образе председателя укома — героя чистого и высокого сердцем, прекрасного своими партийными качествами. Хочется посоветовать этим товарищам почаще читать своих старых авторов, чтоб избавить себя и читателей от ложных представлений, будто наша драматургия начинается со вчерашнего дня.

Читатель, не видавший этой пьесы на сцене и не читавший ее, может по двум-трем даже проходным репликам понять, о каком художественном произведении идет речь.

Вот, например, реплика... Но сначала надо объяснить драматическую ситуацию, которая состоит в том, что некий командант по бане (а такие были в 1919 году) бросил свою жену и доказывает председателю укома, что будущий ребенок не его, а лица подставного, здесь же присутствующего. И вот реплика:

Председатель. Тихо! Так как вы оба отказываетесь от сожителства с этой женщиной, в то же время отказываетесь от ребенка, то поэтому (обращаясь к делопроизводителю) потребовать через наруду с обоих по трети жалования, включая и пайки, в пользу матери и ребенка.

Матрос. Доворо!

Председатель (матросу). У гражданина Савандеева отобрать партийный билет за некоммунистический поступок и снять с должности команданта бани.

Матрос. Есть! В два счета сфабрикуем.

Савандеев. Не имете права! Единлично...

Председатель. Не беспокойтесь... Через комитет проведем...

В свое время сцена эта была и странно комичной и необыкновенно важной, как, впрочем, и теперь остается значительным ее содержание, но я хочу со всей силой выделить то обстоятельство, что это указывалось впервые на сцене и потому указывалось шумом необыкновенного успеха и радостью рукоплесканий. А успех и радость шли оттого, что мы, неискушенные зрители, чувствовали за этими сценами огромную новую жизнь, которая выявлялась в образах сценического искусства подлинным открытием чего-то небывалого и бесконечно нужного нам.

Такие сцены с натуры пронизаны у Билль-Белоцерковского своим художественным взглядом и духом своего искусства, что и вдохнуло в «Штурм» неуважительно забытую историю советской классической пьесы.

Н. ПОГОДИН

Завтра исполняется 70 лет со дня рождения одного из зачинателей советской драматургии, автора замечательных пьес «Штурм», Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского.

Президиум Союза писателей СССР в своем приветствии юбиляру отмечает его заслуги перед советской драматургией и характеризует пьесы В. Билль-Белоцерковского, как яркие, талантливые произведения социалистического реализма, давшие возможность театру создать правдивые спектакли, на которых воспитываются поколения советских актеров.

«Ваша славная трудовая жизнь, — говорится в приветствии, — неотделима от Вашего творчества, посвященного советским людям, труженикам революции, строителям социалистического общества.

Ваша замечательная пьеса «Штурм», стоящая у истоков советской драматургии, навсегда вошла в сокровищницу нашей литературы, открыла победное шествие нового, революционного героя по сценам наших советских театров.

Хорошо зная жизнь и нравы капиталистического Запада. Вы всегда были гневным обвинителем его социальных язв и растленной культуры. Такие Ваши пьесы, как «Запад не ринчат» и «Вокруг ринга», — активный вклад писателя-коммуниста в дело борьбы за мир во всем мире».

Приветствие заканчивается пожеланием В. Билль-Белоцерковскому неуважительно творческой молодости и новых успехов на благо советской драматургии, советского театра.



Книжный фонд харьковской областной библиотеки насчитывает десятки тысяч томов. Для лучшего обслуживания читателей в библиотеке создан мембиблиотечный и заемный абонемент. Читатель из любого села или района области может получить нужную ему книгу по почте. На снимке: заведующая абонементом В. А. Кабарина и старший библиотечник Ю. Д. Сушко подготавливают литературу и отправку в МТС.

Фото М. Начинкина

Посещение зарубежными писателями Литературного института

Молодые прозаики и поэты Литературного института имени А. М. Горького за последнее время встречались со многими гостями из СССР зарубежными писателями. Во время одной из встреч английский писатель Джек Линдсей сообщил, что он начал писать серию романов о рабочем классе послевоенной Англии. Две книги этой серии уже напечатаны.

— Я нахожусь в СССР почти два месяца, встречаясь с различными аудиториями, — сказал Д. Линдсей. — И почти всюду меня спрашивали, как я отношусь к методу социалистического реализма. Скажу, что в своих романах, написанных и которые еще будут написаны, показывая людей капиталистической Англии, я стараюсь как можно полнее применять этот прогрессивный в литературе метод.

Индийский поэт Али Сардар Джафри рассказал о литературе Индии, творчестве Кришны Чандра, влияния произведений советских писателей на творчество писателя Инди.

Побывали в гостях у студентов и голландский писатель Тойн де Фриз, немецкая писательница Анна Зегер, австрийский писатель и общественный деятель Эрнст Фишер. В течение нескольких часов продолжалась теплая дружеская беседа с Луи Арагоном. Он рассказал о работе над романом «Коммунисты», начатом еще в глубоком подполье, во время оккупации Франции гитлеровцами. Писатель поделился своими впечатлениями о съезде писателей, особенно подчеркнул значение съезда для развития зарубежной прогрессивной литературы.

Луи Арагон охарактеризовал творчество некоторых молодых французских поэтов, рассказал о том, как живут и работают писатели в его родные. В заключение он прочел отрывок из своей поэмы о партии.

Новые книги

Бахтин П. Юность пришла. Повесть. «Советский писатель». 179 стр. Цена 3 руб. 60 коп.

Журавлев В. Вторая встреча. Книга стихов. «Советский писатель». 164 стр. Цена 3 руб. 20 коп.

Залогов М. Крепкие нити. Повесть. «Молодая гвардия». 144 стр. Цена 2 руб. 10 коп.

Иванов В. Возвращение Ибадуллы. Роман. «Молодая гвардия». 312 стр. Цена 7 руб. 60 коп.

Колжострук Н. Рассказы. Куйбышевское книжное издательство. 232 стр. Цена 4 руб. 05 коп.

Мазанья Ж. Там, где больше трава не растет. Роман. Перевод с французского Т. Кулявлевой. Издательство иностранной литературы. 224 стр. Цена 5 руб. 90 коп.

Петров М. Песня не умрет. Перевод с удмуртского. Ижевск. Удмуртское книжное издательство. 80 стр. Цена 1 руб. 70 коп.

Розанов В. Люди из Пиквы. Повесть. Лениздат. 312 стр. Цена 5 руб. 95 коп.

Сао Сань (Эмио Сао). Избранное. Авторизованный перевод с китайского. Издательство иностранной литературы. 216 стр. Цена 5 руб. 60 коп.

Ан. ТАРАСЕНКОВ

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Заметки об эстонских поэтах

Эстония — небольшая страна. Невелико и население Эстонии. Это не мешает, однако, тому, что эстонская поэзия развивалась и развивается глубоко самобытно. Потому-то пути этого развития интересны и поучительны. Трудно, конечно, детально судить о поэзии другого народа, не зная языка, пользуясь переводами и неужелюбимыми, а подчас недостоверно точными, подстрочниками. Но и через эту призму, передающую подлинники с неизбежными искажениями и даже искажениями, видны некоторые из особенностей современной эстонской поэзии, некоторые ее типические черты, некоторые ее творческие индивидуальности.

Уже в начальную пору существования эстонской советской литературы звучали ясные и простые реалистические строфы Юхана Слотте, суровая, хотя и несколько отдаленная публицистика темпераментных, полных яростного пафоса стихов Юганеса Барбаруса, злая демократическая сатира Аугуста Алле, лирика Марта Гауда, Яана Кярнера и других. Эти поэты опирались на лучшие традиции родной литературы.

Искренняя радость освобождения от буржуазной власти, пафос участия эстонского народа в грандиозном советском строительстве, широкий, вольный простор жизни, внезапно расширившийся перед жителями вчерашнего «лимитрофа», — таковы были первые темы, первые образы тогдашней эстонской поэзии, впервые в своей истории осознали себя в качестве поэзии советской.

В годы после Великой Отечественной войны в эстонской поэзии появились новые имена. Русские переводчики немало поработали над творчеством этого нового поколения поэтов. Честь и хвала Н. Чуковский, Вс. Азаров, Леону Тоому, Вс. Рождественскому, К. Антокольскому, В. Звягинцевой, Я. Пенковскому, М. Зенкевичу и ряду других товарищей. Их работы свойственны еще многие недочеты, но все же именно благодаря их честным и непритязательным усилиям мы узнали и полюбили стихи новой, молодой Эстонии.

Она насчитывает уже немало имен — не один десяток. Эти имена не схожи друг с другом, и нет возможности даже кратко охарактеризовать все многообразие их поэтической деятельности. Попытаюсь набросать беглые характеристики трех из них.

Юхан Смуул

У него была трудная, сложная судьба. Батрацкая юность среди рыбаков острова Саалема, служба в трудовом советском батальоне, эвакуация, работа на уральской стройке да в сибирском совхозе. Он пришел в поэзию простым деревенским парнем, без систематического образования, без достаточных знаний и опыта.

Но крепкая трудовая закладка, но горячая любовь к родному краю и его простым людям, но приращенная тяга к народной песне, к поэзии помогли Юхану Смуулу сделать начальные шаги на поприще литературы.

Может быть, первое подсознательное внутреннее движение к творчеству зародилось у Ю. Смуула еще тогда, когда он, будучи подростком, прислушивался к народным лотерейным песенкам, давно утерявшим в Эстонии свой религиозный характер и превратившимся в частую фольклорную, или слушал сказки и песни на традиционных осенних и зимних праздниках в честь рыбацкого улова и скудного крестьянского урожая. Вероятно, это так и было... Но все же первые настоящие стихи родились у него позднее, в годы Великой Отечественной войны, — родились, как стихи борьбы, как результат неизбежного желания высказать то, чем жило его поколение.

Есть у Юхана Смуула стихотворение «Певцы болота», написанное в 1949 году. В нем он вспоминает старое, вековое представление об Эстонии, как о стране болот. Так говорит детям в школе учитель, так хором твердят все вокруг.

Горбатые, плачущие березы, кривая, в землю втоптанная гать — все то, что не давало нам дышать, таялось в этой строчке, как урза: «...Эстония — болотная страна...».

Болото нас давило, разоряло, влекло в трясину и лишало сил. Моей страной болото управляло, в поэзии болотный дух царил.

(Перевод В. Зинка-Неского)

Это сказано поэтом с болью и горечью, правда этих реалистических строк ясна и неуступчива.

Но Юхан Смуул не ограничивается тем, что рисует горестную картину прошлого, он говорит и о настоящем, и о будущем. Здесь у него иные краски, иные интонации — радостные, приподнятые.

Старое, буржуазное, националистически ограниченное, — оно ведь существовало не в древности, оно связано с воспоминаниями недавней юности автора и потому воспринимается до сих пор остро, свежо, ненавистно. Сопоставление дня нынешнего с днем минувшим пронизывает все поэзию Юхана Смуула, образует ее основную драматическую конфликт.

Поэт безраздельно на стороне победоносного нового. Об этом говорят и его лирика, и его крупные, эпические замечательные произведения — «Красный обая дувенин Готува» (1947), «Бригада парней из Ирвсуу» (1947—1948), «Эстонская поэма» (1949).

В этих вещах еще немало схематизма и условностей, молодому поэту не хватает умения создать полноценно развитые человеческие образы, не хватает смелости в изображении главных противоречий жизни. И в то же время чувствуется, что это — творения автора с большим дарованием, поэта, отличающегося реалистическим взглядом на мир, любящего конкретную выразительную деталь, точный пейзаж, живую деталь.

Товарищи, хорошо знающие поэзию Юхана Смуула в подлиннике, утверждают, что он в своих поэмах овладел секретом убедительного многоголосого бытового разговора, — качество, рождающее эстонского поэта с традициями Некрасова, Твардовского, которых он, наряду с эстонским классиком Юханом Лийном, сам называл в своих основных учителями.

Мне хотелось познакомиться с новой поэмой Юхана Смуула, несомненно, наиболее значительной из всего созданного им, «Я — комсомолец». Ее перевод на русский язык Леон Тоом (перевод еще не опубликован). Это произведение с редкой поэтической наглядностью воссоздает образ человека новой Эстонии, труженика и борца, представителя того поко-

ления, чье духовное формирование завершилось в годы советской власти. Поема во многом автобиографична. Когда Юхан Смуул рассказывает о тяжелом деревенском детстве своего героя, когда он вспоминает о труженике-отце, все силы похороненном на пашне за известняковой оградой, когда поэт рисует бурные песчаные поля (Саарема, стоящие от засухи), — перед нами во всей ее несвоей конкретности встает жизнь трудового люда в буржуазной Эстонии.

Судьба мальчика, батрачавшего у кулака, судьба целого поколения эстонской молодежи, скитавшейся по чужим морям и странам в поисках хлеба насущного, — вот содержание первых глав поэмы. Поэт рассказывает, как отец поручил мальчику отплыть по льду замерзшего моря капитана, торопящегося на свой корабль. В путь паренек берет снятую с петель дверь, — на тот случай, если они внезапно попадут в полынью и придется пуститься влывав в ледяной воде. Берет он с собой, как высший знак доверия отца, и его старый компас. Но когда на обратном пути паренек попадает во льготу и когда так пригодился бы ему этот компас, он с отчаяньем и недоумением видит, что прибор неподвижен, что «темным конком все на лошадь направлена стрелка». Неудомек деревенскому пареньку, что «защелка к стеклу стрелка компаса плотно прижата». Эти детали, так живо найденные автором, создают выразительный облик лирического героя поэмы.

Поэт рассказывает, как беззащитно влюблен паренек в дочь хозяина — кулака Паула, как крепка его дружба с таким же, как он сам, бедняком — Арнольдом Бааком, как яростно ненавидит он хозяйского хула Яакба Маата. Убедительность этих строк делает образ героя поэмы близким и понятным читателю.

Советский переводчик, навсегда сметающий старых хозяев жизни, — краткая парижской жизни освобожденных тружеников; начинающая война. Наступает пора больших испытаний для героя поэмы. Он — в строительном батальоне на Урале. Еще плохо разбираясь в событиях, потрясенных его родину, он знает и верит, что трудится ради будущей свободы своей и своих друзей и земляков.

Я не богат физическою силой и каменщиком быть мне тяжело, но ненавижу мне душу омаила и боль в суставах, как рукой, сняло.

Подлинно поэтичны страницы поэмы, в которых рассказывается, как молодой эстонский паренек в глубоком тылу России обретает новых друзей и среди них чудесного человека — недавнего защитника Одессы, раненого моряка Степанова, навсегда ставшего для него образцом жизненного поведения. Горячим чувством согреты строки одного из лирических отступлений:

Да, нету истинной цены тому, что в дни невзгоды черствою осталась русские верны гостеприимству без притворства. Мы твердо знали, что на них в несчастье можно положиться. Чисты их души, как родник, и прямоото дышат лица.

В бой ради будущего мира за русским, не страшась, иди: для друга сердце из груди он вырвет, как герой Шекспира!

Хорошо, искренно сказано! А наряду с возлюбленной патетикой, сколько в поэме задушевной лиричности и гневной сатиры! Дальнейший ход поэмы приводит героя в ряды Советской Армии, борющейся против гитлеровских полчищ. В дни горячих боев в районе Великих Лук герой, духовно возмужавший, вступает в комсомол. На заседании бюро он начинает рассказывать свою биографию: «Я родился...» Этими словами и завершается поэма Юхана Смуула, большое, честное и умное творение. В ней отразилась самобытная личность автора — вчерашнего рыбака, человека из народа. Он отразилась так, что одновременно вообразил в себя многие типические черты его современников и соотечественников, поэтически выразил судьбу целого поколения эстонской молодежи...

Ральф Парве

Он старше Смуула на три года. Но всевозможные литературные работы примерно тогда же, что и Смуул, — в родную войну. Правда, перед этим были юношеские стихотворные опыты, относящиеся к гимназическим годам в буржуазной Эстонии, но серьезного значения они не имели. Поэзия Ральфа Парве родилась на русской земле — на фронте. Именно в те годы его поэзия обрела, дад путьеву в жизнь один из ветеранов эстонской революционной поэзии Аугуст Алле.

Ральф Парве написал за эти годы немало стихов — и на военные темы, и о мирном созидательном труде. Он пробует свои силы и в сатире, и в актуальной публицистической поэзии, и в лирике. Его стихи — подлинно советские по кругу тем, по мировоззрению, по идейной направленности. Интересен цикл: «Из финского дневника», в правдивых, ярких остро-сатирических тонах рисующий буржуазную действительность по ту сторону Балтики. Зарубежный порт с его рынками кабаками, где завывает саксофон и кутит заезжий янки, прачки, хмуро стучащие своими вальками на берегу моря, а рядом каляка — жертва войны, собирающий милостыню, разбазарив в своей ручной тележке — вот типические образы этого цикла. И как контраст этим печальным картинам, навевающим буржуазную действительность, встает ряды финских пионеров, ведущих по хельсинкскому бульвару.

Ральф Парве стремится к тематической многоплановости. В этом достоинство, но в этом же и недостаток многих его стихов. Частенько они бывают похожи на «средние» образцы нашей так называемой «календарной» и газетной поэзии. Следует упомянуть Р. Парве и в том, что иногда его стихам не хватает реалистических подробностей, определенности национального колорита. Не хватает лирической задушевной теплоты его ведам, как «Таллинский декабрь», «Старый рабочий», «Наша страна», вечно, отмеченный риторикой.

Участье болящая и плодотворная поэтическая работа Р. Парве для детей. За последние годы Ральф Парве выпустил девять стихотворных книг для детей (столько же вышло и в русских переводах). Поэт непринужденно и весело рассказывает детям о работе трактора, о труде каменщика, о матросской пашне, он рисует юмористический образ школьника-летяги по прозвищу «Охакс» (что по-русски можно примерно обозначить словом «Перелом»), он создает живые картины детских игр и забав. В этой работе Ральф Парве удачно использует поговорки, присказки, прибаутки и рифмованные народные шутки.

Хочется пожелать Ральфу Парве большей связи с сегодняшней народной жизнью, большей глубины и смелости в решении актуальных тем, большей злости его сатиры.

Дебора Вааранди

Ее сила — в лирике. О чем бы она ни писала, — о скудной, суровой земле предков, о голубях на площадях Таллина, о веселом взрыве черных руд, который приводит строителя города, о старинной легенде, посвященной старцу из Юмексте, или о рыбацком колхозе на берегах Тамыгыйа, — везде живо и непосредственно ощущается сам автор, с его раздумьями и переживаниями, радостями и печальми.

Дебора Вааранди превосходно опознает природу Балтики, природу Эстонии. В ее стихах мы видим и мутные глаза болотных озер, и замшелые поляны, и белую пену седых гребней, и гордые сосны на отвесном берегу, и переливы нефи на волнах за кормом корабля, мы слышим крики чаек и пописки баттиских бур. Свообразен пейзаж, вставший в ее лирике, своеобразны и люди — герой ее стихов, очерченный двумя-тремя штрихами, но остро врезавшийся в память. Выразительна, например, строфа, рисующая спорный труд рыбаков:

Певцы люты, Мелькают в спешке Певцы люты, — они красны, Как расклеванные голубишки, Рассолом крепким обожжены.

(Перевод И. Чуковского)

Таких выразительных образов, полных конкретности примет, отмеченных живым авторским отношением к описываемому, в стихах Деборы Вааранди множество. В ее поэзии разлита щедрая любовь к людям, к их борьбе и труду, к их творчеству и созданию. Только будучи поэтом, кровью связанным со своим народом, можно было написать такие глубоко волнующие, полные любви и боли строфы о городе, находящемся под властью фашистских оккупантов, о встрече с ним, как с живым человеком:

Таллин, скажи, кто кормил без меня голубей сизорычких, Кто, поднимаясь на холм твой, привычные трогал ступени, Кто на заре открывал широкие окна, Кто на рассвете скитался с охапкой росистой сирени?

Вот я пришла к тебе, Таллин, окутана запахом гаря, Жарким дыханием танков, военное длащих ковчеге,

Дети, голодные дети, стой на твоём Возле разбитых домов опаленных чахучих деревьев.

(Перевод Вс. Рондестевского)

Поэтесса не замыкается в местных темах, — она создала в стихах выразительный образ военного Ленинграда, тепло и задушевно написала о строгой тишине зала Ленинской библиотеки в Москве, она посвятила вдохновенные строки Долорес Ибарури, она создала яркий образ Советского Крыма. Но, конечно, темы и образы родной Эстонии занимают в ее творчестве главное место. — и это закономерно.

Лирика Деборы Вааранди обнимает ногами стоит на почве реальности, повседневности, и в то же время этой лирике свойственны романтическая остроконечность, приподнятость. Рисует своих героев — простых людей труда, колхозных рыбаков, мотористов, парторганизаторов, — она с неподдельным чувством воспекает:

Их славят волны, их славят скавалы, Их славят в скалах прорыва гром. И я хотела, и я мечтала Помочь их делу своим стихом.

(Перевод И. Чуковского)

В этой строфе — целая эстетическая программа, программа вмешательства поэзии в поток жизни, активного, волевого участия в ее процессе. Это стихи поэсы-коммунистки.

Лирика Деборы Вааранди — это лирика новой женщины Советской Эстонии, нашедшей в годы советской власти свое место в широкой общественной и трудовой практике, безгранично любящей свою Родину и умеющей органически связать это свое живое конкретное чувство с общими идеями советского патриотизма.

Я коснулся только трех эстонских поэтов послевоенного поколения. Ничего в Эстонии много говорят о еще более молодых талантах, дельно и интересно проявивших себя в поэзии за последние два-три года. Называют имя Уно Лахта, талантливого сатирика и лирика, Владимира Беекмана, пишущего на бытовые, производственные и лирические темы современности, называют Яакна Люби, посвятивший ряд своих стихов любви, темам семьи. К сожалению, стихи этих авторов еще совсем не знакомы русскому читателю, они еще ждут перевода и популяризации.

Даже лучшие молодые поэты сегодняшней Эстонии еще скважны некоторой внутренней творческой робостью. Только недостатком органической связи с народной жизнью можно объяснить тот факт, что до сих пор ни Юхан Смуул, ни Дебора Вааранди, ни Ральф Парве, ни другие талантливые поэты послевоенного поколения не показали в своем творчестве те беды и горе, которые принесло гитлеровское нашествие на эстонскую землю. Не коснулись еще поэты нового поколения и такой важной темы, как передела сознания вчерашнего хуторянина и рыбака-единоличника — сегодняшнего колхозника. Этот процесс в Эстонии, где так сильно были среди крестьянства старые мелкобуржуазные инстинкты, проходил очень непросто. Он мог бы дать поэзии материал несравненной драматической силы. К сожалению, эти ценнейшие пласты жизни еще и по сей день не подняты.

Надо пожелать молодому поколению эстонской поэзии больше смелости, больше творческого дерзания.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 4 8 января 1955 г.

Рассказывают редакторы ЖУРНАЛОВ

ЗВЕЗДА

В январском номере «Звезды» будет опубликована вторая книга романа В. Смирнова «Открытие мира». Затем начнем печатать романы: азербайджанского писателя Али Велиева «В нашем «Чистые сердца» — о Ф. Э. Дзержинском, Э. Грина «Другой путь» — о борьбе сторонников мира в современной Финляндии и вторую книгу романа «Страна родная» В. Саянова. Подготовлены к печати две повести: С. Розенфельда о Ф. И. Шалапове и Г. Гора о научных работниках.

В наступившем году редакция намерена улучшить работу с молодежью. В ближайших номерах появятся рассказы В. Гусева, М. Шургина и других молодых прозаиков.

Поэтический отдел будет представлен романом в стихах В. Саянова «Колосовы» о событиях 1905 года, поэмой Павло Неруды о Ленинграде, произведениями нашей монографической поэзии, в частности «Братской поэмой» литовского писателя Э. Межелайтиса. Шире будем привлекать молодых поэтов, творствуя которых до сих пор мы не уделяли достаточного внимания.

Хуже с пьесами. Было время, когда журнал печатал до шести пьес в год. Сейчас, к сожалению, в редакционном портфеле нет достаточного запаса драматургических произведений. Видное место в журнале отводится отдам очерка и публицистики, а также отделу критики и библиографии, в котором будут регулярно печататься статьи, анализирующие творческий стиль, язык, мастерство писателей. Думаем и в дальнейшем сохранить оправдавшие себя рубрики: «Трибуна писателя» и «Трибуна читателя».

В. ДРУЗИН

ПОЛЫМЯ

Прошедший год был в белорусской литературе «неурожайным» на новые крупные прозаические произведения. Это и породило некоторые тематические и жанровые однообразия нашего журнала. В течение года мы не опубликовали ни одного романа на главные темы современности.

Новый год обещает внести серьезные поправки. Вот что мы планируем.

Темы рабочего класса и строительства уже долгое время не были представлены в журнале «Полюмя» значительными произведениями. Ныне им посвящается новый роман Вл. Карпова о белорусских градостроителях. Печатать роман начнем с первого номера.

Тема советской сельской интеллигенции получит дальнейшее свое развитие в новом романе И. Шамякина и поэме Н. Абрамчика. Кругом подполью сельского хозяйства посвящает свой роман Т. Хадкевич. О славной советской молодежи, полной сокровенных мечтаний и смелых дерзаний, пишет повесть М. Последович. В 1955 году появится роман П. Бровки «Когда слына-

ются реки», написанный на материале трудового подвига трех братских народов — белорусского, латышского и литовского, величавый, эпический роман «Дружба народов», и поэма В. Величина «Батько Дмитро», воскрешающая славные страницы совместной борьбы украинского и белорусского народов за воссоединение с великим русским народом.

Осуществлению вечною мечты белорусского народа о воссоединении в едином социалистическом государстве посвящена новая поэма А. Кулешова. Славному подвигу белорусского народа в Великой Отечественной войне посвящают М. Лыньков свой роман-эпопею «Незабываемые дни», вторая книга которого будет опубликована в нашем журнале.

Нас нередко упрекают за отсутствие рассказов, новелл. Мы предполагаем в этом году всемерно расширить этот раздел журнала, в частности, опубликовать цикл новелл Я. Брыля. Значительное место, как и в предыдущие годы, журнал будет отдавать произведениям молодых литераторов.

Серьезные задания стоят перед разделом критики и библиографии. Редакция предполагает опубликовать работы белорусских критиков и литературоведов о становлении метода социалистического реализма в белорусской литературе, повести разговор о национальных традициях и новаторстве, об эстетическом идеале художника, о многообразии форм отдельных жанров

ЗАОКЕАНСКАЯ НАГРАДА



Как уже сообщалось в печати, США решили преподнести премьер-министру Франции Мендес-Франсу 48 литров молока — по литру от каждого штата. (Г-н Мендес-Франс — любитель молока). Однако госдепартамент США не давал «королеве молока» с ее бидном разрешением на выезд во Францию, пока не станет ясным, сумеет ли Мендес-Франс обеспечить ратификацию парижских соглашений. Наконец, 30 декабря ратификация состоялась, и мисс Мэйли, фермерша из Миннесоты (США), провозглашенная американскими мастерами рекламы «королевой молока», вылетела в Париж.

На помещаемом нами снимке, распространяемом французским агентством Интерконтиненталь, «королева молока» по прибытии на парижский аэропорт Орли демонстрирует свой бидон с жиденькой наградой премьер-министру Франции.

Мисс Мэйли показывает бидон в хорошо отработанной улыбке. Но, глядя на нее, француз с тревогой думает о хищном оскале и хлыбах будущего вермахта, путь к которому открывает человек, награжденный жестяной американской молочкой.

В РУРЕ ЖДУТ ПРИБЫЛЕЙ

Если провести подсчет, какое слово наиболее часто упоминается на страницах органов западногерманской печати, связанных с деловыми кругами, то таким словом, безусловно, будет «вооружение». Его повторяют на все лады и мотивы — со знаками восклицательными и вопросительными, с самыми различными эпитетами. Совершенно очевидно: тема вооружения Западной Германии сейчас стала для рурских деловых темой дня.

Хотя министры иностранных дел западных держав потратили немало усилий на то, чтобы изобразить парижские соглашения чуть ли не в виде «преграды» делу милитаризации Западной Германии, военные монополии Рура прекрасно знали истинную цену подобным уверениям. В парижских соглашениях они разглядели главное: снятие запрета с военного производства в Западной Германии.

Соответственно реагировали на подписание парижских соглашений и западногерманские биржи. Бросается в глаза, как после 23 октября подпрыгнули акции металлургических, химических и прочих компаний, связанных с военным производством.

Курс акций:	1 октября	10 декабря
Маннесман	138	162
Динамит Нобель	190	217
Хехст	184	231
Рейнше Штальверке	241	278

В выступлениях ведущих деятелей западногерманской экономики появились новые, весьма твердые нотки. Так, они выразили свое явное удовлетворение тем, что в парижских соглашениях не предусмотрены какие-либо ограничения по поводу объединения рурских компаний в мощные финансовые группы. Хвала министрам западных держав за подобное «разумное» решение, позволяющее создать финансовую базу для разворачивания военного производства, рурские деятели одновременно замечали: а не пора ли официально отменить законы о «декартелизации» металлургической промышленности? И, не дожидаясь ответа на этот риторический вопрос, правление военно-металлургического концерна Клекнера возвестило, что этот концерн отныне не будет скрывать под вымышленным названием Нордвестейче Бергверкхюттен АГ, а официально возобновляет свою деятельность под старым именем. А правления концернов Маннесман и Хех-

заявили, что начинают совместное строительство нового крупного металлургического комбината. Компании эти хорошо осведомлены о том, куда ныне «дует ветер». Ведь директор фирмы Клекнер Герхард Шредер является министром внутренних дел в правительстве Аденауэра. Что касается фирмы Хехст, то один из ее совладельцев Верхан — муж дочери боннского канцлера. Наконец, представитель Маннесмана был членом свиты Аденауэра во время парижских переговоров.

Сейчас органы рурских деловых кругов с удовлетворением констатируют, что западногерманская промышленность не пришла неподготовленной к желанному моменту развернутого военного производства. В этом году Рур выплавил 17 миллионов тонн стали. Значительно выросла мощность химической и судостроительной промышленности, причем последние заняла в 1954 году второе место в капиталистическом мире. С особым удивлением газеты подчеркивают значительный рост алюминиевой промышленности, продукция которой, как замечает гамбургская газета «Ди Вельт», «находит немедленный спрос» и на которую «ожидаются хорошие заказы». В связи с неоднородными сообщениями о подготовке Хейнкеля и Мессершмита к развертыванию авиационной промышленности, эти комментарии приобрели самый определенный смысл.

В деловых кругах с воодушевлением прикладывают: сколько следует ожидать рурским промышленникам от военного гешта? Рурская газета «Индустрикурир» и другие источники считают, что оснащение нового вермахта обойдется в 100 миллиардов марок. Можно не сомневаться, что аппетиты будут возрастать, поскольку боннское правительство не собирает ограничить 12 дивизиями. Только недавно устами министра Оберлендера оно возвестило о том, что целью является создание не 12, а в шесть раз больше — 72 дивизий. Тогда, видимо, и соответствующие суммы возрастут в шесть раз...

В Руре сейчас изучается и такой деловой вопрос: кто же будет осуществлять непосредственное руководство производством вооружения? Выдвигается план, согласно которому эти функции примет на себя будущее военное министерство во главе с Теодором Бланком. При нем предполагается создать «ведомство по вопросам военной

техники» и «ведомство снабжения». Вот задачи этих ведомств, согласно сообщению газеты «Дейче цейтунг унд Виртшафтсцейтунг». Первое ведомство: разработка типов вооружения, их отбор, исследовательская деятельность, внедрение в производство. Второе ведомство: планирование производства, распределение заказов, установление цен, приема и оплаты вооружения. Военное министерство будет действовать в контакте с министерством хозяйства. Предусмотрено также создание специальных «шестерок» — комиссий, которые будут согласовывать все вопросы военного производства.

Однако, пока чиновники боннского правительства заняты подготовкой к воссозданию и вооружению новой армии, среди промышленников, не связанных непосредственно с военным производством, слышны тревожные голоса, предупреждающие о серьезных последствиях перевода промышленности на военные рельсы. В этих кругах боится сокращения производства в мирных отраслях, угрозы инфляции, сокращения экспорта. Стремясь воспрепятствовать распространению подобных «красочных настроений», реакционная пресса успокаивает читателя тем, что военное производство якобы не будет иметь большого объема. На страницах газет сейчас можно прочитать такие странные, на первый взгляд, заголовки: «Военного бума не будет» или «Военное производство — это не гешт». Действуют не только газеты. Недавно фактический военный министр Теодор Бланк собственной персоной провел ряд совещаний промышленников различных отраслей, заверяя их, что в результате курса на вооружение «ничего не случится». Однако едва ли кто верит в силу этих «успокоительных таблеток», как назвала выступления Бланка одна газета.

Но если даже определенная группа промышленников имеет кое-какие основания для тревог, то уж совсем незавидная доля утоварива рабочим. Газета «Вельт дер арбайт» отмечает, что политика перевооружения «уже привела к повышению цен почти на все товары». Осуществление планов вооружения, подчеркивает газета, «будет означать опасное развитие цен с постоянной тенденцией к повышению». Атака на жизненный уровень рабочего развернется широким фронтом. В частности, резко сократится программа жилищного строительства ввиду того, что на сооружение военных объектов пойдет до 4 (а по оценке «Индустрикурир» — до 7) миллиардов марок. «С полным основанием спрашивают», — пишет швейцарская газета «Нейе цюрихер цейтунг», — как справиться с дополнительным строительством такого объема без ущерба для гражданского сектора?.

Но простейшая и главнейшая причина, по которой военная нехватка трудящихся Западной Германии и, в частности, промышленным рабочим Рура, состоит в том, что им угрожает призыв в невооруженную и гибель на полях ненужной им войны. Ведь в Вашингтоне на западного немца смотрят в первую очередь, как на солдата. Однако кто же останется в таком случае у станков? В Вашингтоне и Бонне подумали и об этом. В октябре 1954 года представители правительства США, Западной Германии и Италии заключили секретную сделку, предусматривающую посылку 270—300 тысяч итальянских рабочих в Западную Германию. Австрийская «Эстеррейхше фольксшитимге» правильно вскрыла суть дела, когда писала: «Боннское правительство надеется, используя итальянских рабочих, создать западногерманскую армию, превышающую официальную цифру в 500 тысяч человек. Не наносит какого-либо ущерба военной промышленности Западной Германии».

Рурским военным монополистам нет никакого дела до судьбы гражданского рабочего! Перед ними в мареве военного бума встают цифры огромных прибылей, превышающих те, которые приносила им гитлеровская диктатура.

Во имя своего обогащения рурские монополии спешат устремиться по давно проторенной им дорожке военного производства. Вот одна из причин необычайного усердия некоторых боннских деятелей, ведущих Западную Германию на роковой путь войны.



На снимке — участник недавней в западногерманском городе Нюрнберге демонстрации молодежи, протестовавшей против политики реинтеграции Западной Германии и возрождения вермахта. На плакатах, которые несут демонстранты, надписи: «Германия нужна не казармам, а жилищам», «Немецкая молодежь, будь бдительна!», «Снажаем «нет» военной службе».

ДЕЛЕГАТ США ГОЛОСУЕТ ПРОТИВ...

В 1955 году Польша вместе со всем культурным миром торжественно отмечает годовщину со дня кончины Адама Мицкевича. По предложению Всемирного Совета Мира, эта годовщина будет отмечаться, как и годовщины жизни и творчества других выдающихся мыслителей и художников всех народов мира.

ЮНЕСКО, организация Объединенных Наций по вопросам просвещения, науки и культуры, издала до сих пор две книги на нескольких языках — о великом немецком поэте Гёте и великом итальянском Леонардо да Винчи. Во время состоявшейся недавно в Монтеневе генеральной конференции ЮНЕСКО польская делегация предложила, чтобы эта организация, теснейшим образом связанная с ООН, почтила память великого поэта Адама Мицкевича, одного из величайших гениев славянских народов, широко известного за пределами Польши.

Казалось бы, дело ясное — это предложение нужно приветствовать. И тем не менее делегат США, председательствовавший в этот день, старался не допустить обсуждения и голосования польского предложения.

В защиту предложения польской делегации выступил делегат Бразилии профессор Карнейро, произнесший пламенную речь в честь великого польского поэта. Польское предложение поддержали также итальянский делегат профессор Бранко, французский делегат профессор Франсуа и представители стран лагеря мира. Против предложения, как я уже указывал, выступили США, к которым присоединилась Канада, а немного позже и Великобритания.

Бразильский делегат Карнейро заявил, что издание книги о Мицкевиче — дело чести для ЮНЕСКО. При голосовании польское предложение получило 26 голосов против 3 (США, Канада и Южно-Африканский Союз), при 4 воздержавшихся (в том числе Западная Германия).

Ну что! Мы привыкли к тому, что США выступают против всех польских предложений. Таков уж принцип, а как

известно, США в политических вопросах очень «принципиальны» и втянули в свою политическую игру даже годовщину кончины великого поэта.

Это и понятно. На родине Маккарти Мицкевич ныне сидит бы в тюрьме. Помимо также, что издание книги о Мицкевиче расслабит миру, что дело, осуществляемое народной Польшей, — это продолжение идей, лежащихся нашим народом сто и больше лет назад, что эти идеи гениально выразил Адам Мицкевич, облекших их в живую форму, доступную народу.

Весьма возможно, что когда-нибудь делегат США в ЮНЕСКО снова будет голосовать против... Это будет тогда, когда какой-нибудь (но, конечно, не американский и не канадский) делегат предложит отметить годовщину, связанную с жизнью и творчеством американца Лонгфелло, американца Уолта Уитмена, американца Марка Твена, американца Джека Лондона, американца Теодора Драйзера...

Американскую делегацию поддержала делегация Канады, той самой страны, которая до сих пор задерживает у себя польские культурные ценности из Вавельского замка. Но если делегат США голосовал против, то как может поступить иначе делегат Канады?

Делегат Западной Германии воздержался от голосования.

В 1829 году Мицкевич посетил Гёте в Веймаре, а через сто с небольшим лет, тоже неподалеку от Веймара, в Бухенвальде, гитлеровцы создали известный лагерь, где они убиwali дух Гёте, как и дух Мицкевича. Не лучше ли было бы для делегата Западной Германии потихоньку выйти из зала заседания и не напоминать своим поведением, что сделали когда-то из Германии немцы реакционеры и милитаристы и в чем они снова стремятся теперь?

Однако результат голосования отражает отношения, существующие сейчас в мире. Народы не изолированы, идеи прогресса не знают границ, и могущество трестов коварно, там, где ставится на голосование вопрос о величии художника, призывавшего к братству народов.

Станислав ВЬГОДСКИЙ, польский писатель

Им не откупиться!

Предметов питания жителей страны! Серьезно пострадали также чайные плантации и посевы риса и овощей.

Возмущение, охватившее японский народ в связи с новыми злодеяниями американских атомщиков, вылилось в мощное движение за запрещение атомного и водородного оружия. В августе прошлого года, в канун девятой годовщины атомной бомбардировки, когда на всю страну раздавался гул колоколов Хиросимы и Нагасаки, зноивших по умиршим, американский посол в Японии Аллисон, отвечая на письмо губернаторов префектур острова Кюсю, требовавших прекращения Соединенными Штатами испытаний водородных бомб в Тихом океане, хладнокровно заявил, что США будут продолжать эти испытания.

Ответ японского народа на вызов атомщиков — 29 миллионов подписей под требованием о запрещении термоядерного оружия массового уничтожения. Возмущение американской политики размахивания атомной бомбой приняло столь грозные масштабы, что даже печать США вынуждена писать о не утихающей в Японии «буре протестов» и бить тревогу по поводу роста антиамериканских настроений в стране.

В Вашингтоне не остались глухи к этим сигналам. Американские представители, десять месяцев торговались, как извозчики, с японским правительством из-за того, должны ли США возместить ущерб, причиненный Япония испытанием водородной бомбы в районе Бикини, наконец, несколько дней назад, 4 января, сдались. США согласились уплатить Японии два миллиона долларов, что составляет менее 1/3 об-

щей суммы официально оцененного материального ущерба. При миллионной американской шельколомой сходной ценой за человеческое мясо!

Политические расчеты, продиктованные «великодушным» жест торговцев атомной смертью, раскрыл обогритель японского радио Кадзусиге Хирадзавэ. Повидимому, указывает он, в данном случае американская сторона руководствовалась политическими соображениями, стараясь, по возможности, проявить свое доброе отношение к Японии накануне парламентских выборов.

Тщетны, однако, надежды погасить жгучую полчищу возмущения японского народа и парализовать его волю к борьбе против атомной угрозы! Японская общественность с негодованием отметила, что американское правительство, сообщая о согласии выплатить компенсацию рыбакам с «Фукурю-Мару 5», ни словом не обмолвилась о том, намерено ли оно отказаться в будущем от испытаний атомных и водородных бомб, несущих неисчислимы бедствия мирному населению. Напротив, как перекладывало парижское радио, все тот же неутомимый г-н Аллисон заявил, что новые термоядерные испытания «неизбежны».

Если бы у поклонников атомной бомбы хватило здравого смысла прислушаться к гневному голосу японского народа и сотен миллионов честных людей во всем мире, они поняли бы, сколь опасны замышляемые ими кровавые эксперименты. Во всех сейфах Умбл-стрита не хватит долларов, чтобы атомщики смогли откупиться, когда народы призовут их к ответу!

М. МАРКОВ

«Мне стоило только «сотрудничать» с ними, и они «во всем мне помогли бы», — заявляет она.

Сотни миллионов долларов ежегодно тратятся на содержание гигантского аппарата американской разведки, тысячи ее агентов разбросаны по всему свету. Они осуществляют диверсии против миролюбивых народов. Они открыто и цинично всюду стараются вербовать агентов.

Начальная история Роде де-Сильва характерна для методов нынешней американской дипломатии и американской разведки. Некоторое время назад, как сообщает печать, другому американскому журналисту — Джону Поузалу, возвращавшемуся в Нью-Йорк из Китая, было предложено дать за хорошую плату военные сведения для американской разведки.

Итак, каждый человек должен стать тайным агентом. Вот в чем стремится «официальные лица» в США. А отказ от шпионской работы в их глазах — преступление.

Протестующие против чудовищного производства письма Роде де-Сильва, напечатанного в «Нейшнд гардиан», вызвало широкий отклик. Но... не в тех кругах, которым было адресовано. Простые американцы, читатели газеты, с неподдельным участием запрашивают редакцию: какова дальнейшая судьба г-жи де-Сильва? Официальная Америка хранит гробовое молчание.

В конце прошлого года «Нейшнд гардиан» поместил новое письмо Роде де-Сильва. Она пишет: «Ни президент, ни конгрессмены, ни сенаторы (десять из которых я послала копию протеста) не ответили мне и даже не подтвердили факта получения моих писем. Они, видимо, решили считать, что этого случая попросту не было...» Таким образом, ничто не изменилось. Роде де-Сильва попрежнему разлучена со своим мужем.

...Когда таинственный самолет взлетел с дейлоноского аэродрома, американцы, сопровождавшие Роде де-Сильва, громко хохотали от восторга. И этот смех как бы символизировал их отношение, а также отношение их хозяев к демократическим свободам, растоптаным в стране доллара.

«Фукурю-Мару 5» не участвовало в морских сражениях, не брадо призов на спортивных состязаниях. Это — скромное японское рыболовное судно. Однако имя его вот уже десять месяцев не сходило в Японии со страниц газет, повторяется из уст в уста. В сердце каждого японца оно отзывается болью и гневом. Японские города Хиросима и Нагасаки — первые жертвы американской атомной бомбы. «Фукурю-Мару 5» — первая жертва американской водородной бомбы.

Первого марта прошлого года во время испытанной водородной бомбы в Тихом океане, в районе атолла Бикини, от радиоактивного пепла пострадали все двадцать три члена экипажа этого судна, находившегося в 150 морских милях от места взрыва. Один из рыбаков — Кубояма — умер, остальные до сих пор находятся в больнице. Многим из них, видимо, придется пребывать там до конца жизни.

Итак, двадцать три здоровых, сильных человека, по существу говоря, списаны в «расход», а семьи их лишены кормильцев. И все это произошло не во время войны, а в условиях мира, в открытом море, которое потому и именуется так, что воды его открыты для торговых моряков и рыбаков всех стран!

Тысячи тонн тунца и другой рыбы, выловленной «Фукурю-Мару 5» и другими японскими рыболовными судами, оказались зараженными радиоактивностью, и их пришлось выбросить в море. Один только рыболовный порт Мисаки в префектуре Канагава понес в результате испытания американской водородной бомбы ущерб, который уже в первые месяцы превысил 400 миллионов yen. А ведь рыбным промыслом живет значительная часть населения Японии и рыба составляет один из основных

предметов питания жителей страны! Серьезно пострадали также чайные плантации и посевы риса и овощей.

Возмущение, охватившее японский народ в связи с новыми злодеяниями американских атомщиков, вылилось в мощное движение за запрещение атомного и водородного оружия. В августе прошлого года, в канун девятой годовщины атомной бомбардировки, когда на всю страну раздавался гул колоколов Хиросимы и Нагасаки, зноивших по умиршим, американский посол в Японии Аллисон, отвечая на письмо губернаторов префектур острова Кюсю, требовавших прекращения Соединенными Штатами испытаний водородных бомб в Тихом океане, хладнокровно заявил, что США будут продолжать эти испытания.

Ответ японского народа на вызов атомщиков — 29 миллионов подписей под требованием о запрещении термоядерного оружия массового уничтожения. Возмущение американской политики размахивания атомной бомбой приняло столь грозные масштабы, что даже печать США вынуждена писать о не утихающей в Японии «буре протестов» и бить тревогу по поводу роста антиамериканских настроений в стране.

В Вашингтоне не остались глухи к этим сигналам. Американские представители, десять месяцев торговались, как извозчики, с японским правительством из-за того, должны ли США возместить ущерб, причиненный Япония испытанием водородной бомбы в районе Бикини, наконец, несколько дней назад, 4 января, сдались. США согласились уплатить Японии два миллиона долларов, что составляет менее 1/3 об-

миллиардов долларов, что составляет менее 1/3 об-

миллиардов долларов, что составляет менее 1/3 об-

Заметки писателя

„Преступление“ супругов де-Сильва

Георгий МДИВАНИ

В этот день зародом в Коломбо выглядел весьма необычно. Американский пассажирский самолет был готов к вылету. Его путь лежал через Индию, Италию, Францию. Ему надо было пролететь половину земного шара, чтобы из страны сингапурцев и тамбов поехать в США.

Однако около самолета не было обычной суеты, не было прощающихся. Лишь несколько американских парней в шатком угрем и зало смотрели поперек. Весь их вид показывал твердую решимость никого не подпускать к самолету.

Тайна, окутывающая самолет, не рассеялась и в Бомбее, на первой остановке. Самолет срочно заправил бензином, и он так же срочно покинул небо Индии.

Но же был в этом таинственном самолете? Загадка разрешилась только в Италии, на римском аэродроме. Оказалось, что на борту самолета находится молодая женщина — Роде Миллер де-Сильва, покинувшая на Цейлоне. Это же под усиленной охраной везли в США.

Что случилось? Почему для Роде Миллер де-Сильва был захвачен специальный самолет, который должен пролететь двенадцать тысяч миль?

Может быть, эта таинственная пассажирша — дочь известного миллиардера, покинувшая бандами? Но тогда почему в холодное мартовское утро ее выслали на аэродром Айдуудайде в США без пальто, в одном легком платье, пригодном только для тропического климата Цейлона, тогда как сопровождавшие ее американцы были одеты в теплые зимние костюмы? Видно, похитители несколько не беспокоились о здоровье и жизни этой женщины. Но еще более странным было то, что Роде Миллер де-Сильва в США выслали из самолета и... отпустили.

Операция по похищению г-жи де-Сильва была организована не кем иным, как послом США в Цейлоне Филиппом Кроу.

16 марта 1954 года Кроу подписал паспорт на имя Роде Миллер. По этому паспорту она должна была в пятидневный срок вылететь в США. «Гуманность и заботливость» посла были поистине безграничны, так как он это сделал без ведома и помимо желания Роде Миллер де-Сильва. Она даже не подозревала, что ее намереваются отправить в Америку, куда она отнюдь не собиралась ехать. Она спокойно жила в 75 милях от города Коломбо, в Кинди.

Подписание паспорта было, так сказать, первым актом постановного спектакля, поставленного г-ном Кроу. Второй акт состоялся на следующее утро. Г-н Кроу заручился содействием местных властей. В момент, когда мужа Роде — Осифа де-Сильва не было дома, к ней ворвались десять полицейских в сопровождении двух американских разведчиков, схватили ее, силой посадили в «джип» и увезли на аэродром в Коломбо. О финале этого спектакля читателю уже известно.

В чем же дело? В чем заключена причина повышенного интереса высокопоставленных американцев к Роде Миллер де-Сильва?

Роде Миллер — журналистка. Она родилась в Америке. Ее муж Осиф де-Сильва — цейлонский журналист. Молодожены сразу поняли, что в современной Америке им не построить свое семейное счастье. Этому препятствовало, с одной стороны, то, что де-Сильва не был представителем белой расы, а с другой стороны, — то, что молодая супружеская чета придерживалась демократических взглядов. Вот почему супруги де-Сильва поселились на Цейлоне. Однако и здесь, в двенадцати тысячах

миль от США, они не освободились от назора американской разведки.

С точки зрения американской разведки, миссис де-Сильва — преступница. Подумайте только: она на страницах дейлоноских газет позволила себе критиковать американский образ жизни, резко высказывалась против агрессивных намерений империалистов США в Азии. Она написала возмущающую книгу о судьбе супругов Розенбергов, казнь которых потрясла все передовое человечество.

И вот американцы, ни мало не смущаясь тем обстоятельством, что дело происходит не на территории Техаса, а на земле иностранного государства, отняли у мужа жену и через многие страны, моря и океаны отправили ее в США. Там, в Америке, она уже не представляет опасности: реакционные газеты печатают ее статьи не будут, там она обречена на безработицу и голод, как тысячи других людей, взятых на подозрение американской разведкой.

Похищение миссис де-Сильва вызвало возмущение широких кругов дейлоноской общественности. В сенате Цейлона состоялся бурные дебаты. Сенатор С. Нейсон, разоблачая действия американского посольства и разведки, заявил:

«Главная причина, вызвавшая высылку миссис де-Сильва, — это несомненное недоуствие для американского посольства от ее присутствия здесь, так как никто так широко не разоблачал у нас действия американской полиции, как г-жа де-Сильва. Миссис де-Сильва написала блестящую, замечательную книгу «В чем преступление Розенбергов?». Для американского посольства в Цейлоне несколько неудобно, что книгу эту написала жена цейлонца, которая в данное время еще оставалась формально американской гражданкой».

Все эти факты миссис де-Сильва изложила в гневном, протестующем письме к президенту США, которое было опубликовано американской газетой «Нейшнд гардиан». Она рассказала также и о том, как высокой ценой она могла бы откупиться от г-на Кроу и его коллег.

«Меня пытались «обратить» в информатора», свидетельствует Роде де-Сильва.

«Мне стоило только «сотрудничать» с ними, и они «во всем мне помогли бы», — заявляет она.

Сотни миллионов долларов ежегодно тратятся на содержание гигантского аппарата американской разведки, тысячи ее агентов разбросаны по всему свету. Они осуществляют диверсии против миролюбивых народов. Они открыто и цинично всюду стараются вербовать агентов.

Начальная история Роде де-Сильва характерна для методов нынешней американской дипломатии и американской разведки. Некоторое время назад, как сообщает печать, другому американскому журналисту — Джону Поузалу, возвращавшемуся в Нью-Йорк из Китая, было предложено дать за хорошую плату военные сведения для американской разведки.

Итак, каждый человек должен стать тайным агентом. Вот в чем стремится «официальные лица» в США. А отказ от шпионской работы в их глазах — преступление.

Протестующие против чудовищного производства письма Роде де-Сильва, напечатанного в «Нейшнд гардиан», вызвало широкий отклик. Но... не в тех кругах, которым было адресовано. Простые американцы, читатели газеты, с неподдельным участием запрашивают редакцию: какова дальнейшая судьба г-жи де-Сильва? Официальная Америка хранит гробовое молчание.

В конце прошлого года «Нейшнд гардиан» поместил новое письмо Роде де-Сильва. Она пишет: «Ни президент, ни конгрессмены, ни сенаторы (десять из которых я послала копию протеста) не ответили мне и даже не подтвердили факта получения моих писем. Они, видимо, решили считать, что этого случая попросту не было...» Таким образом, ничто не изменилось. Роде де-Сильва попрежнему разлучена со своим мужем.

...Когда таинственный самолет взлетел с дейлоноского аэродрома, американцы, сопровождавшие Роде де-Сильва, громко хохотали от восторга. И этот смех как бы символизировал их отношение, а также отношение их хозяев к демократическим свободам, растоптаным в стране доллара.

Евгений Викторович ТАРЛЕ

В ночь на 6 января 1955 г. скончался на 80-м году жизни крупнейший советский историк, выдающийся публицист, яркий художник слова, академик Евгений Викторович Тарле.

Большой ученый, автор многочисленных исследований по истории нашей Родины и других стран, знаток истории международных отношений, Евгений Викторович умел сочетать в своих трудах талант исследователя с мастерством писателя. Его работы с равным интересом читаются специалистами и широкими читательскими кругами. Особой популярностью пользуются его труды, освещающие борьбу русского народа против Наполеона I и других иноземных захватчиков, его яркие жизнеописания Ушакова, Кутузова, Нахичева.

До последних дней жизни Евгений Викторович с большим вниманием относился ко всем новым явлениям не только в области науки, но и литературы, театра, кино. Немало советских писателей, артистов, начинающих ученых, офицеров Советской Армии обязаны Евгению Викторовичу помощью,

поддержкой, теплым участием в их творческих замыслах и делах.

Труды Евгения Викторовича издавались во Франции, Германии, Англии, Италии, Польше, Норвегии, Швеции, Венгрии, Швейцарии, США, Болгарии, Канаде и других странах.

Академик Е. В. Тарле состоял действительным членом Академии наук в Осло, членом-корреспондентом Британской академии для поощрения истории, философских и филологических наук, почетным доктором Сорбонны и университетов в Праге, Брно, Осло, Алжире.

Видный общественный деятель, Евгений Викторович в годы Великой Отечественной войны являлся членом Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, а после войны был членом Советского Комитета защиты мира.

Ученый, гуманист, патриот, художник — таким останется Евгений Викторович в сердцах всех, близко знавших его. Имя Е. В. Тарле сохранится среди имен выдающихся мастеров советской культуры.

В. Волгин, М. Тихомиров, А. Панкратова, Н. Дружинин, В. Хвостов, А. Ерусалимский, Ф. Потемкин, М. Нецкина, А. Манусевич, А. Манфред, А. Павская, В. Антохина, Н. Таленский, А. Ефимов, Э. Желубовская, Б. Поршнев, А. Сурков, А. Фадеев, Н. Тихонов, Б. Полевой, Л. Леонов, К. Симонов, К. Федин, Д. Поликарпов, Н. Бажан, С. Маршак, К. Чуковский, Е. Ланн, С. Макашин, Л. Никулин, М. Марич.

В. Е. Евгеньев-Максимов

Скончался один из старейших профессоров Ленинградского университета — Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов. Советская наука потеряла крупного ученого-литературоведа и талантливого педагога.

Научные интересы Владислава Евгеньевича были весьма разносторонними, но больше всего его работ (десяти книг и сотни статей) посвящены исследованиям творчества Некрасова. Двадцатилетним студентом Петербургского университета пишет он свою первую исследовательскую работу о творчестве великого поэта; через два года по окончании университета, в 1908 году, издает первую книгу о Некрасове; в 1955 году смерть прервала его работу над последним томом монографии «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова», в которой подведен итог полувекового труда.

Значение научно-исследовательской и популяризаторской деятельности Владислава Евгеньевича трудно переоценить. Один из основоположников советского Некрасоведения, он много сделал для создания научной биографии великого народного поэта, разрывав и обнаруживая ряд его произведений и важных биографических документов.

Владислав Евгеньевич был одним из организаторов Некрасовских томов «Литературного наследия» и «Некрасовского сборника», одним из главных редакторов и составителей первого полного собрания сочинений Некрасова, законченного изданием в 1953 году.

А. Александров, В. Шимарев, Н. Писанов, А. Егоян, Б. Ларин, Б. Бурсов, Г. Макогоненко, М. Алексеев, И. Ямпольский, В. Холшевников, П. Хавин, Б. Вяземский, А. Березной, Э. Коротаева, М. Соколова, И. Рождественская, Т. Трифонова, И. Еремин, М. Скрипиль, В. Березина, В. Алексеев.

Большой вклад внес Владислав Евгеньевич в историю русской журналистики. Самые значительные труды его в этой области — «Очерки по истории советской журналистики в России 19 века» (1927 г.) и трехтомное исследование истории журнала «Современник» (1934—1939 г.).

Владислав Евгеньевич являл собой замечательный образец советского ученого-общественника, которому чужда кабинетная замкнутость. Умный и чуткий педагог, Владислав Евгеньевич был терпеливым, любящим свое дело и своих учеников воспитателем, требовательным наставником, заботливо помогающим молодежи овладеть наукой.

Крупный ученый, Владислав Евгеньевич был талантливым популяризатором и пропагандистом советской науки. Он был превосходным лектором, умевшим завладеть вниманием любой аудитории — ученого собрания, студентов, рабочих, солдат.

Научная, педагогическая и общественная деятельность Владислава Евгеньевича была отмечена высокими правительственными наградами — орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Его товарищи и ученики никогда не забудут талантливого ученого-патриота, неутомимого труженика, заботливого учителя профессора Владислава Евгеньевича Евгеньевича-Максимова.